

Притворись моей

Автор:

Александра Салиева

Притворись моей

Александра Салиева

«Станешь моей любовницей. И родишь мне сына. Потом – свободна. Мы в расчёте». В первую секунду я решаю, что ослышалась. Во вторую, что он спятил. А в третью – невольно задумываюсь над его дорогостоящим предложением.

Почему? Да просто это мой последний шанс...

Александра Салиева

Притворись моей

Глава 1

– На этот раз он тебя точно уволит! – доносится из трубки ровно в ту секунду, когда я подворачиваю ногу.

Лодыжку пронзает острая боль. Я едва не сваливаюсь в лужу, лишь чудом удаётся удержать равновесие.

– Не уволит! – отзываюсь с глухим стоном, опираясь ладонью на кирпичную стену, замирая, пережидая, когда боль станет более терпимой. – У меня есть ещё семь минут, я успею! – добавляю, немного погодя, скосившись на свои

наручные часы.

В городе, как всегда, жуткие пробки, поэтому приходится бросить свою машину на первом попавшемся свободном парковочном месте и идти пешком, тем более, до моей работы остаётся всего-ничего, если сократить переулком, который я пересекаю, так что действительно должна успеть.

– Хорошо бы, а то Быков уже пять раз спрашивал, пришла ли ты, или снова опаздываешь, – тоскливо вздыхает собеседница. – Зря ты его вчера так грубо отшила. Ну, поужинали бы вместе, потом состроила бы святую невинность, объяснила бы, что до свадьбы «ни-ни», потому что мама так воспитала, убыло бы от тебя что ли? Нет ничего хуже обиженного отказом мужика, ему теперь только повод дай, чтобы отыграться...

Боль в лодыжке немного утихает, я возобновляю шаг, а шум проносащихся мимо автомобилей глушит дальнейшие причитания Лизы.

– Ладно, всё. Скоро буду, – прощаюсь с ней и отключаю вызов, сверяясь с обозначенным на экране гаджета временем, заворачивая за угол.

Остаётся шесть минут до начала рабочего дня, а под ноги попадает новая лужа. Я замечаю её слишком поздно, переведя внимание от телефона к асфальту. Как и темноволосого мужчину, идущего навстречу. И всё бы ничего, но, прежде чем врезаться в него на полном ходу, сперва с ним сталкивается стакан с кофе в моей левой руке. Горячий американо расплёскивается одновременно на чужую белую футболку, мою ладонь и блузку, после чего падает в лужу, напоследок оставляя коричневые брызги на моих замшевых туфлях, а также на мужских ботинках.

– Ай!

– Бл*дь!

Пальцы нестерпимо жжёт, так бы и встряхнула ими хотя бы пару раз, чтобы избавиться от болезненного ощущения, но на деле я банально вздрагиваю и притихаю, стараюсь лишней раз не шевелиться, опасливо поднимая взгляд на жертву своей неосторожности. Пятно на его футболке продолжает подло расползаться, а низкий чуть хриплый баритон отражается в моей голове

громогласным эхом, предвещающим апокалипсис. Золотисто-карий взор полон гнева и негодования, я замечаю, как дёргается его кадык, и чувствую себя виноватой уже не только в том, что облила незнакомца, но и во всех остальных грехах сразу, инстинктивно пяясь от взбешённого мужчины подальше.

– Прости... – «те» застревает в горле, потому что моё отступление грубо остановлено.

Тяжёлая ладонь придавливает за плечо, сжимает крепко, не оставляя ни шанса на то, чтобы вырваться.

– Совсем не смотришь, куда идёшь? – отчеканивает он ледяным тоном, пытливо разглядывая меня с головы до ног.

Я бы не удивилась, если бы в этот тёплый осенний день все лужи вокруг нас в раз застыли. Лично у меня моментально поползли морозные мурашки по позвоночнику.

– Я вас не заметила, – признаюсь.

Я почти готова заново извиниться и даже предложить оплатить чистку его явно дорогостоящей одежды, но...

– Как можно не заметить целого человека? – злобно прищуривается стоящий напротив.

И тут я вспоминаю, что давно опаздываю, а кое-кто мог бы быть повежливее, да и в пострадавших – не он один.

– Вот именно, – бросаю встречно. – Как можно не заметить целого человека? – вздёргиваю подбородок выше, убираю телефон в задний карман джинс, после чего демонстративно стряхиваю с себя брызги от американо. – Сам-то тоже хоть немножечко смотри, куда идёшь! – заканчиваю в обвинении.

Как говорится, лучшая защита – нападение. Впрочем, не я одна, похоже, придерживаюсь подобного мнения, потому что незнакомец злится заметнее, его ладонь на моём плече сжимается сильнее, он снова прищуривается, глядя на

меня на этот раз, как на какую-нибудь мерзость.

– Я и смотрел, – ухмыляется брезгливо. – Но ты настолько мелкая, что так сразу и не заметишь. Тем более, вылетела из-за угла, как ошпаренная. За тобой черти гонятся что ли? – показательно смотрит куда-то за мою спину, словно там, неподалёку десяток нечисти взял передышку после нашего с ними совместного кросса.

Соблазн обернуться и удостовериться в своих догадках я перебарываю с превеликим трудом. Тоже злюсь.

– Это я-то мелкая? – возмущаюсь, запрокидывая голову ещё больше, а то мужчина и правда возвышается надо мной аж на две головы, хочешь – не хочешь, а в любом случае ощутишь себя лилипутиком. – Тоже мне, Гулливер недоделанный, – фыркаю в максимальном презрении. – Так тебе и надо! – взмахиваю рукой, указывая на его испорченный прикид. – Скажи спасибо, что половину я уже выпила, не то б не только футболка пострадала! – завершаю злорадно, шагнув в сторону, намереваясь обойти хама и воспользоваться последним жалким шансом успеть прийти на работу вовремя.

Не тут-то было.

– Что-то-о?! – моментально реагирует «недоделанный Гулливер», перехватывая за руку, останавливая, резко разворачивая, дёргая ближе к себе. – А ну повтори!

Ничего повторять для него, разумеется, я не собираюсь.

– Ты маньяк что ли?! – срываюсь на него на повышенных тонах, выворачиваясь в попытке избавиться от чужой хватки. – Руки убери! – заново тяну захваченную в плен конечность.

Вторая попытка вернуть себе руку обратно в единоличное пользование заканчивается тем же фиаско. Слишком крепкая хватка у незнакомца. Но это ещё ничего. Дальше он наглет куда больше.

– А не то что? – ехидничает в ответ.

Что-что...

Для начала набираю в лёгкие побольше воздуха.

А потом...

- Кто-нибудь! Помоги!.. - «те» вот уже дважды застревает в моём горле.

Мой крик с призывом о помощи обрывается наряду с лёгким ударом спиной о кирпичную кладку здания, за угол которого мужчина меня затаскивает, зажав рот ладонью. Мои глаза сами собой расширяются от ужаса осознания происходящего. Я мычу, снова пытаюсь вырваться, освободиться. Но незнакомец неумолимо прижимает к стене.

- Не ори, - проговаривает на удивление тихо и спокойно, хотя и звучит довольно властно, почти приказом.

Замираю. Ненадолго. Теперь не брыкаюсь, но опять мычу ему в ответ, в просьбе отпустить. Как по мне, выходит совсем неразборчиво, однако он всё прекрасно понимает. На его губах расплзается понимающая ухмылка.

- Я отпущу, если пообещаешь больше не кричать. Не насилую же я тебя в самом деле, - сообщает миролюбиво.

Раздумываю лишь секунду. Охотливо киваю. Но незнакомец мне почему-то не верит. Подозрительно прищуривается, разглядывая моё лицо.

- Всё равно ведь будешь кричать, да?

Именно так я и собираюсь поступить, после того, как возможность проявить всю громкость моих голосовых связок появится, в чём конечно же, не сознаюсь, так что не сказать, будто конкретно по этой части он не прав.

- Заорёшь снова, не дай бог кто-нибудь реально прибежит, решит, что я в самом деле маньяк и пристаю к тебе... - вздыхает мужчина.

Не отвечаю, не мычу. Лишь выразительно смотрю на него с мыслью: «А это как тогда называется? Если типа не пристаёшь?!».

Мысль остаётся при мне. А он флегматично продолжает:

– Потом этот кто-нибудь, как последний дебил, помчится тебя от меня спасать, – качает головой в мнимом расстройстве. – И тогда мне придётся ему что-нибудь сломать, чтоб не лез не в свои дела... – повторно вздыхает. – Вот оно мне надо?

Тут становится интересно: он реально ждёт от меня ответа? Руку с моего рта так и не убирает. Точно маньяк!

Впрочем, замолкает он тоже ненадолго:

– Потом мне придётся тебя не просто утащить в подворотню, а закрыть в багажнике и увезти с собой, чтоб не оставлять никаких свидетелей, – становится мне ошеломляющим откровением, от которого мои глаза расширяются больше прежнего. – Вот тебе оно самой-то надо?

Торопливо машу головой в отрицании. Незнакомец заново ухмыляется в понимании. Но всё равно не отпускает.

– И что тогда будем делать? – интересуется в довершение.

Кажется, банально издевается надо мной. Но прямо здесь и сейчас меня это не особо интересует. Память возвращается к тому моменту, где брюнет обещает кому-нибудь что-нибудь сломать, а моё внимание само собой приковывает к его лицу, сосредотачиваясь на небольшой горбинке на носу. Когда-то был сломан. Хотя это всё равно не портит черты мужского лица. Наоборот. И небольшой шрам под левой бровью – тоже. Должно быть их обладатель и правда частенько дерётся. Но почему-то уверена, так или иначе, всё равно всегда выходит победителем. Такие, как он, просто-напросто не умеют проигрывать. Ни в чём. Собственно, именно поэтому:

– М-мм... – в очередной раз мычу, показательно-страдальчески уставившись на свои наручные часы.

Всё-таки я опоздала!

Но кого это волнует?

Точно не того, кто меня удерживает.

– Что? Вспомнила, куда бежала? – тошнотворно ласково интересуется кареглазый, правильно расценив мои жертвенные взгляды.

Усиленно киваю. И снова смотрю на часы. Сперва на часы, потом – на него, и опять на часы. Не забываю при всём при этом изобразить как можно больше искреннего страдания и раскаяния.

– А нечего грубить первому встречному, – поучительным тоном отзывается мой пленитель, слегка отстраняется и заинтересованно разглядывает меня с головы до ног, пока я прикидываю, с какой силой необходимо двинуть этому хаму, чтоб наверняка загнулся и ему стало не до меня. – Так что решила, Дюймовочка? – добавляет, немного погодя. – Я убираю руку, а ты не кричишь, – тут я повторно киваю, да с такой радостью, будто мне только что предложили должность моего шефа с его последующим позорным увольнением, а не просто отпустить, – или же вариант с багажником тебе нравится больше?

Последний вариант мне точно не по душе, так что своё невербальное согласие я заменяю на не менее страстное отрицание. Аж в глазах темнеет от такого энтузиазма. Хотя незнакомца это не особо понимает. Он в очередной раз прищуривается, чуть склонив голову влево, как бы взвешивая, поверить мне или же нет.

– М-мм... – всё, что я могу добавить.

Ах, да, и ещё парочку жалостливых взглядов!

– Хорошо, – не сразу, но всё же идёт на мировую брюнет. – Но, как только я тебя отпущу, ты попросишь прощения и признаешь, что была не права.

Мои глаза снова округляются. В неподдельном негодовании.

С чего бы это я перед ним вновь извинялась?

Если он и первой моей попытки оно не оценил!

И... зря я свою мимику плохо проконтролировала.

– То есть, извиняться не станешь? – угадывает ход моих мыслей мужчина, а на его губах расползается до того довольная улыбка, что мне моментально становится не по себе.

Вот точно вспоминает про багажник, в котором увезёт в тёмный-тёмный лес, где меня больше никто и никогда не найдёт!

Понуро вздыхаю. Ведь стану. Ещё как стану. А то, чувствую, мы тут проторчим до самой ночи. Сразу же видно, что передо мной – не только наглый хам, но и принципиальный баран, который упорно будет стоять на своём до самого конца.

– То-то же, Дюймовочка, – снисходительно ухмыляется он, медлит ещё чуть-чуть, после чего его хватка на моём лице слабеет.

Нет, полностью ладонь не убирает, но возможность говорить возвращается. Кто знает, каких усилий мне стоит в этот момент не послать этого принципиального барана пешим эротическим, желательно самым дальним, а вспомнить о том, что выгоднее наступить на собственную гордость и немножечко притвориться послушной, лишь бы избавиться от грубияна с маниакальными повадками, а потом вернуться к своим делам.

– Я была не права, – вру без малейшего зазрения совести, раз уж так надо. – Мне очень жаль. Я не собиралась вам грубить, как и обливать вас кофе, просто... так вышло. Прошу прощения, – заверяю и шумно выдыхаю, едва свобода передвижения ко мне окончательно возвращается.

Тут же вдыхаю глубоко-глубоко, прикрывая глаза, стараясь успокоить своё учащённое сердцебиение. А то колотится в груди, словно вот-вот проломит грудную клетку. Так и не отлепляюсь от стены. Наоборот, самостоятельно прислоняюсь к ней. Торопиться уже некуда. Всё равно опоздала. Ещё пара минут погоды не сделают. А вернуть себе спокойствие совершенно точно стоит. Мне

же теперь предстоит выслушивать и выслушивать... К тому же, стоит открыть глаза, как оказывается, что в переулке я давно одна.

Глава 2

– ... и х*р тебе, а не отпускные! Уволю по статье, тебя потом ни одна приличная фирма не возьмёт даже уборщицей, дурёха неблагодарная! – отчитывает меня Быков, едва я являюсь в его кабинет.

Сеанс «какая же моя секретарша – идиотка» длится не меньше десяти минут. В это время я стойко изображаю покаяние, про себя тихонько радуясь тому факту, что накануне вечером оставила на рабочем месте пиджак, который в данный момент прикрывает пятна от пролитого американо, а то бы отхватила ещё и за свой неопрятный вид. Вообще, мне иногда кажется, будто шеф предварительно репетирует перед зеркалом, тренируя своё красноречие по части того, насколько я бездарна и никчёмна. Каждый раз слышу о себе что-нибудь новое. И каждый раз терпеливо молчу о том, что работаю на него по десять-двенадцать часов в сутки, вместо оплачиваемых восьми, без лишних пререканий исполняя любую его прихоть... за исключением одной-единственной, в которой и заключается наша с ним реальная проблема. Не хочу я становиться его любовницей. Он – не желает мириться с этим фактом. А при любом моём малейшем промахе Виталий Леонидович пользуется шансом напомнить о том, насколько важно «проявлять лояльность к своему боссу», не то мне грозит возможность вылететь с работы.

– Ладно, – наконец, заканчивает третировать меня Быков. – Вечером что делаешь? – спрашивает, но ответа не ждёт. – У меня запланирована важная встреча на десять, в «Орионе», надо, чтоб ты всё записала. И оденься попримечнее, – озвучивает непреклонным распоряжением, всё же затронув мою внешность. – Что ты как не девушка, в самом деле? Где нарядное платьице, чулки, изящные босоножки? – вопросительно выгибает бровь. – Обрядилась, как канцелярская крыса, – брезгливо морщится. – Тоску смертную нагоняешь своим видом, ей-богу, – заканчивает в мнимом расстройстве.

Молчу. Лишь закатываю глаза. Да и то в своих мыслях. Прекрасно знаю, никакой рабочей встречи у него в ресторане «Орион» не может быть, тем более, в такое

позднее время. Всё же именно я отвечаю за его расписание. Благо, никаких комментариев от меня не требуется. Мужчина лениво взмахивает рукой в сторону двери, негласно веля возвращаться на своё рабочее место.

– До обеда никого не принимать. Отмени всех. Не до них мне сегодня, – бросает напоследок, пока я смиренно оставляю начальство в одиночестве.

– Хорошо, Виталий Леонидович, – киваю, прежде чем выйти в приёмную.

Небольшое помещение с панорамной стеной разделено на две зоны: правая сторона принадлежит секретарю финансового директора, вторая – моя территория, как секретаря исполнительного директора.

– Уволил? – затаив дыхание, интересуется Лиза, едва я оказываюсь на своём рабочем месте.

– Нет, – тяжело вздыхаю, грешным делом задумавшись о том, чтоб лучше уж реально уволил, чем то, что есть. – Как всегда, просто наорал.

Приступ уныния длится недолго. Тряхнув головой, я заставляю себя сконцентрироваться на разборе бумажной почты, покоящейся на краю стола. Но для собеседницы наш разговор не исчерпан.

– И чего тогда расстроилась? – не унимается девушка.

– Снова тащит в ресторан. На этот раз под предлогом деловой встречи, – говорю, как есть, сортируя письма в несколько стопок, в зависимости от содержания. – Сегодня. В десять.

На Лизу не смотрю, но и так ощущаю её сочувствующий взгляд. Всё же у Быкова в нашей компании мало «поклонниц». И дело даже не в том, что мой пятидесятилетний шеф весит два центнера, носит толстые стекла на переносице из-за своей близорукости, да и вообще по всем внешним параметрам далёк от идеала мужской красоты. Характер у него поганый. В нашей компании, должно быть, не осталось ни одного человека, которого он бы ни оскорбил, притом, не обязательно за дело. Если у Виталия Леонидовича плохое настроение – это уже повод оторваться на первом попавшемся под горячую

руку... рукоприкладством Быков, к слову, тоже не чурается.

– И что делать будешь? – тем временем осторожно интересуется секретарь финансового директора.

Если честно, я об этом ещё не думала. Хотя...

– Ничего. Не пойду, – пожимаю плечами.

– А он об этом знает?

– Я похожа на мазохистку? Скажу ему после обеда, когда он станет чуточку добрее. Вечером, в девять надо будет подавать лекарства маме, так что мне совсем не до хождения по ресторанам.

– Как будто кроме тебя больше некому их подать, – скептически хмыкает Лиза, умолкает ненадолго, а через небольшую паузу добавляет серьёзным тоном: – Нужен более веский повод. А то на этот раз точно уволит. Или что ещё похуже придумает.

Та часть меня, что давно мечтает избавиться от надоедливого начальства, в моём воображении опять пожимает плечами в полнейшем безразличии. Но другая – та, что отчаянно нуждается в заработке, принимается соображать, какой предлог действительно подошёл бы лучше и выглядел бы более весомым. Как назло, ничего дельного в голову не приходит.

– Например, какой повод? – быстренько сдаюсь.

Лиза тоже задумывается. Но, в отличие от меня, размышляет недолго.

– Скажи, что сестра сломала руку! – восклицает она и тут же прикусывает язык, опасливо скосившись на дверь, за которой находится Быков, пока я в удивлении смотрю на неё. – Нет, ну а что? Повод же должен быть действительно веский, сама знаешь, – оправдывает степень крайности своей задумки. – А ещё лучше ногу! И не может сама добраться до травмпункта, – понижает голос, заново призадумывается. – Или скажи, что у тебя квартиру ограбили, случился пожар, потоп, взорвалось отопление... – перечисляет самозабвенным тоном.

– Поэтому нарядного платица у меня нет и никуда пойти с ним я не могу? – хихикаю я в ответ.

– Как вариант, ага, – тоже улыбается Лиза. – Но тогда он сперва потащит тебя по магазинам, а потом предъявит тебе счёт за покупку. И не факт, что денежный, – усмехается многозначительно, пристально разглядывая меня. – Слушай, а обзаведись ты уже парнем. Желательно, качком каким-нибудь, поздоровее, – предлагает новый вариант решения моей проблемы. – Тогда сразу понятно будет, что ему ничего не светит, как бы ни старался!

– А если и тогда не отстанет? – бросаю встречно, всё же Быков сам не отличается понятием верности своей «любимой». – И потом мне сразу с двумя мучайся, да? – передёргиваю плечами.

– Ну, не зна-аю, – не соглашается со мной девушка. – Парень – на то он и парень, чтоб радовал, а не мучил. Тем более, если он будет весь такой высокий, сильный – за таким, как за каменной стеной... – протягивает, откинувшись на спинке кресла, зажмурившись с довольным видом.

– Угу, я одного высокого и сильного сегодня уже встретила, – ворчу встречно. – Только у нас с ним стена не каменная, а кирпичная... – добавляю, прежде чем осознаю, что зря завожу эту тему.

Лиза садится прямее, вперив в меня хищный взгляд.

– Где встретила? Как зовут? Я его знаю? Ты ему хоть номер свой дала? А его номер взяла? Когда встретитесь снова? – моментально закидывает меня вопросами.

Уныло вздыхаю и расстёгиваю пуговицу на пиджаке, демонстрируя кофейные пятна на своей блузке.

– Понятия не имею, как зовут этого придурка, – качаю головой. – Мы с ним тут, – машу рукой в ориентировочном направлении указываемого места, – на углу столкнулись. Кофе разлила, – жалуюсь, не скрывая своего негодования.

– И всё? – разочарованно вздыхает Лиза.

– А должно быть что-то ещё? – усмехаюсь я.

Явно же уже напредставляла себе всего и больше. Неспроста страдальчески закатывает глаза, после чего хмурится, одаривая меня строгим взглядом, как только слышит мой ответ.

– Слушай, Демидова, ты таким макаром точно останешься старой девой, – проговаривает наставительным тоном. – Извинилась бы, предложила бы ему в качестве возмещения ущерба ещё один кофе, обменялись бы телефонами, снова встретились бы потом... – замолкает и требовательно смотрит, будто я прямо сейчас должна сделать всё озвученное, хотя выдерживает паузу лишь несколько секунд, после чего спохватывается: – Страшный что ли?

Настаёт моя очередь закатывать глаза.

– С чего бы я ему предлагала ещё один кофе, если пострадал мой американец? – ворчливо предъявляю аргументом. – А потом этот хам обозвал меня мелкой и припёр к стенке, заткнув мне рот? – сокращаю наше общение с незнакомцем.

То, что я оробела, как сопливая девица, от одного его грозного вида, я оставляю при себе. В этом сознаваться категорически не хочется. К тому же, Лизу интересуют совершенно другие подробности:

– То есть, не такой уж и страшный? – на свой лад интерпретирует мои слова с многозначительной усмешкой. – К стенке припёр, рот заткнул... Чем ещё занимались? Ты так и не сказала, как его зовут, – напоминает.

– Да не знаю я, как его зовут! – отмахиваюсь, вспоминая о том, что надо бы не о всяких первых встречных брюнетах разговаривать, а исполнять свои служебные обязанности. – И знать не хочу! – заявляю категорично.

Не менее категорично утыкаюсь в письма. Правда, это не особо помогает избавиться от воспоминаний о том, чьё имя меня вроде как абсолютно не интересует. Золотисто-карий высокомерный взгляд с толикой насмешки преследует моё воображение до самого обеда. И особенно остро в тот момент, когда я узнаю, что этим утром у моего шефа, пока я опаздывала на работу, были «особые клиенты», которые прибыли аж из Нью-Йорка, чтобы этим вечером подписать контракт на много-нулевую сумму, поэтому тащиться этим вечером в

ресторан с шефом всё же придётся – работа обязывает.

И кто знает, чем закончится этот вечер, когда иностранцы завершат свою сделку, после чего покинут нас...

– Будешь умницей и красавицей, я тебя не только отвезу домой, но и выпишу премиальные из личного бюджета, – сообщает Виталий Леонидович, когда я захожу к нему, чтобы узнать, какие пожелания у него будут насчёт обеда, потому что он всегда пользуется услугами доставки, не покидая свой офис вплоть до самого вечера. – Надеюсь, мы друг друга достаточно хорошо поняли, Варвара Андреевна? – вопросительно пялится на меня, пройдясь масляным взглядом с головы до ног и обратно, задерживаясь в районе бёдер. – Тебе очень подойдут чёрные чулки.

– У меня нет чулков, – заявляю с самым невозмутимым видом. – Они неудобные. Я их не ношу, – добавляю, чтоб ему не стукнуло в голову их мне приобрести.

Так и хочется прибавить, что в моём гардеробе имеются исключительно старческие панталоны старопамятных времён советского союза, в котором нет и быть не может никакого секса, но этот комментарий я оставляю при себе.

– Плохо, очень плохо, Варвара Андреевна, – нарочито официально тоном проговаривает Быков. – С таким подходом ты по карьерной лестнице никогда не продвинешься.

– С учётом того, что моё высшее экономическое – неоконченное, продвижение по карьерной лестнице мне и так не светит, – отзываюсь всё также невозмутимо.

Шеф понимающе ухмыляется.

– Но ты вполне могла бы завершить учёбу. Если бы захотела.

– Так вы же сами мне сказали, что вам не нужен секретарь на заочном, – припоминаю ему его же слова.

Он их, вероятно, тоже помнит, потому что улыбается в ответ. Да с такой хитринкой, вальяжно откидываясь на спинку своего кресла, что я моментально

сожалею о своей болтливости.

– Ну, зачем же так сразу столь категорично, Варвара Андреевна? – протягивает с мурлыкающими нотками мужчина. – Тогда сказал, да. Но ведь мир так переменчив! Я вполне могу изменить своё решение, если на то будут веские основания.

Знаю я эти его «веские основания». Но упорно молчу о них.

– Всё зависит только от твоего желания, Варвара, – уже без «Андреевна» продолжает начальник. – Я всегда иду навстречу тем своим сотрудникам, которые этого действительно заслуживают... – теперь улыбается до того довольно, словно кот, объевшийся сметаны. – Но ты, Варенька, всё никак не хочешь меня понять, – вздыхает он напоказ грустно, хотя улыбочка так и не сходит с его физиономии. – Дресс-код вот, например, не соблюдаешь...

Ни в одном пункте устава предприятия нет требования носить злополучные чулки, на которых его в последнее время особенно клинит. А вот пиджак, который ему не нравится, – как раз есть. Но я игнорирую и этот намёк, быстренько сворачивая тему бесполезного разговора.

– Так что вы будете на обед?

На физиономии Быкова вырисовывается страдальческая гримаса. Но на мой вопрос он всё же отвечает. Оказывается, обедать он собирается не один, в компании одного из утренних гостей, так что обед требуется заказать в двойном эквиваленте. А через некоторое время я спускаюсь на первый этаж, чтобы забрать прибывший с курьером заказ. Чем-чем, а скупостью мой шеф никогда не страдал, так что картонный пакет, переданный мне, выглядит весьма внушительно. Взяла бы обеими руками, но звонит сестра. С учётом, что она прекрасно знает – не стоит меня беспокоить в рабочее время по пустякам, без лишних раздумий беру трубку, обхватив увесистый пакет левой рукой, пока возвращаюсь к лифтам. И конечно, мои ожидания оправдываются в первую же секунду, стоит принять вызов.

– Её нигде нет! – без всяких приветствий вопит моя близняшка. – Я уснула всего лишь на полчаса, просыпаюсь, а её нет!

Здоровенный пакет, который я несу, и без того загораживает половину обзора на пространство холла, так что неудивительно, что я спотыкаюсь на ровном месте. Останавливаюсь, вдыхаю глубже, на мгновение порадовавшись тому, что не роняю свою ценную ношу, а потом стойко ловлю дзен, стараясь не поддаваться сестринской панике.

- То есть как это нигде нет? - интересуюсь встречно. - У соседей смотрела? Около подъезда? Во дворе? Обычно она не уходит далеко.

А ещё моя сестра ни в коем случае не должна была допускать подобной ситуации, но это можно обсудить и позже.

- Говорю же, нигде нет! Я весь этаж обошла, мамы нигде нет!

Глубоко вдыхаю снова, но пойманный дзен безнадежно ускользает. Да и как иначе? Дело в том, что у нашей мамы синдром расстройства памяти, за ней нужен особый уход, с некоторых пор она совершенно не приспособлена к самостоятельной жизни, и если где-нибудь останется одна, то последствия могут быть мега-катастрофическими.

- Ариша, я сейчас приеду и поищем вместе! - проговариваю, ускоряя шаг настолько быстро, как только получается, разворачиваясь к посту охраны, собираясь попросить доставить пакет вместо меня.

Отпроситься у начальства могу и по телефону. Дорога? каждая секунда.

- Пока добираюсь, ты ещё раз посмотри... - не договариваю.

С громким возгласом, со всей дури врезаюсь в чьё-то каменное тело. Не падаю лишь потому, что это самое тело моментально реагирует и ловит на лету. На него же, вместе со мной, вываливается содержимое пакета, которое включает в себя подло открывшийся контейнер с американским чаудером. Густой суп с беконом - очень горячий, вот уже во второй раз за день я обжигаюсь, попутно проклиная всех тех, кто не смотрит, куда идёт.

- Ай!

– Бл*дь!

Чувство дежавю ударяет по разуму, подобно раскалённой плети. Но и это не самое жуткое.

– Да ну нахрен!

– Опять ты?!

Глава 3

Сильные руки сжимают талию, поддерживая на весу в полу-наклонной позе, суповая жижа планомерно пропитывает одежду, а золотисто-карий взгляд прожигает насквозь, притом с такой интенсивностью, что американский чаудер уже не кажется настолько горячим, как в первые секунды.

– Опять ты?!

Мужчина так и не отпускает, пока я в ужасе осознаю, насколько же паршивый у меня сегодня день.

– Нет, Святая дева Мария, млин. Тебе показалось! – огрызаюсь, дёрнувшись назад, и оглядываюсь по сторонам в поиске выпавшего телефона.

Гаджет нигде не видно. А чужая хватка становится лишь крепче. Более того, продолжающиеся поиски телефона бесцеремонно прерваны. Брюнет обхватывает пальцами за подбородок, поворачивает моё лицо и фиксирует в одном ему выгодном положении, вынуждая смотреть исключительно на него.

– Ну, Дюймовочка... – протягивает он угрожающе. – Ты что здесь забыла? – добавляет требовательно.

Участвовать в его допросе у меня нет не только желания, но и времени, поэтому предпринимаю новую попытку освободиться. Тоже тщетную.

– Я? – отзываюсь вынужденно. – Тебе-то какое дело? Ты сам-то здесь что делаешь? – бросаю встречно. – И может быть отпустишь уже?

Не тут-то было.

– Зачем? Чтоб ты на меня ещё что-нибудь пролила?

Обречённо вздыхаю.

Да, я виновата. Но ведь проблема не только во мне. Какого чёрта он не отпускает? Опять. Мне необходимо завершить разговор с сестрой, оставить подпорченный обед на посту охраны, а ещё лучше – заказать новый, потом отпроситься у шефа и отправиться, наконец, на поиски матери, которая запросто может попасть под машину, не заметив ту, или же просто-напросто заблудиться, а потом уснуть под первым кустом. И кто знает, когда потом мы её вообще найдём. Осенние ночи – действительно холодные.

– Я спешу, – проговариваю сквозь зубы. – Правда. Я очень спешу! – подчёркиваю для особо непонятливых. – Тысяча извинений и всё такое, – заверяю, надеюсь, что это поможет вернуться к своей настоящей проблеме. – Я правда тебя не заметила. Снова, – каюсь спешно. – Но я не специально! – заверяю. – И мне очень нужно идти! Меня ждут!

На этом временный приступ моей вежливости, приправленный плохо скрываемой ноткой раздражения, заканчивается. А всё потому, что...

– Тебе нужно идти? – издевательски неспешно повторяет брюнет. – А мне нужна чистая футболка.

– Нужна – купи. Твоя проблема. И отпусти! – в очередной раз дёргаюсь в его своеобразных объятиях.

На этот раз мои усилия оправдываются, полу-наклонная поза становится вертикальной, а взгляду, наконец, попадается злополучный мобильник, который валяется у горшка с фикусом. К нему я и направляюсь. На удивление, мой телефон в целости и сохранности, более того – вызов не прерван. Подобрав гаджет, я слышу ворчливые причитания сестры, и не только их:

– Мама! – доносится на том конце связи, наряду со сбившимся тяжёлым дыханием Ариши, которая в настоящий момент явно куда-то бежит. – Варька, всё! Я нашла её, не отпрашивайся! Не приезжай, не надо!

Она отключается ещё до того момента, как успеваю ответить. И это, наверное, даже хорошо, потому что с даром речи в настоящий момент возникает большая проблема. Едва я выпрямляюсь и отворачиваюсь от фикуса, как в меня летит мужская футболка. Ловлю её скорее машинально, нежели осознанно, в тихом шоке рассматривая накаченный обнажённый торс, на котором прежде красовалась эта самая деталь гардероба.

– Я сказал: мне нужна чистая футболка. И это твоя проблема, Дюймовочка. Не моя.

И стоит такой, весь в себе и своих словах – уверенный! Даже охрана – и та тихонько фигеет от происходящего. Впрочем не только они. Прежде заполняющие временный пропуск на пункте контроля девушки банально зависают, как и я, бестолково пялясь на полураздетого самца. Посмотреть там, к слову, действительно есть на что. Как какая-нибудь долбанная девичья мечта – без единого изъяна. Он определённо посещает спортзал: все восемь кубиков стального пресса чётко прорисованы, ничего лишнего, рельеф мышц, проступающий на загорелой груди и широких плечах, так и вовсе... Стоп! Какое мне дело до его внешних данных? Пусть никуда спешить мне уже не нужно, появляются и другие проблемы, требующие срочного решения. На них и сосредотачиваюсь. Почти сразу.

– Да? – удивляюсь в ответ на сказанное им. – И с чего бы вдруг это стало моей проблемой? – перекидываю его футболку на сгиб локтя, попутно открывая приложение, через которое совсем недавно заказывала обед своему начальству.

Заказ шефа – дублирую, с пометкой «срочная доставка». Чужую одежду – нет, не возвращаю. Хотя очень хочется швырнуть её обратно, желательно прямым попаданием в кое-чью наглючую физиономию. Решаю поступить иначе. Раз уж он настолько уверен в собственных деяниях, пусть за них же сам и расплачивается.

– Потому что если это перестанет быть твоей проблемой, и станет лично моей, тогда тебе это очень дорого обойдётся, Дюймовочка, – всё так же нахально-самоуверенно сообщает брюнет.

Что-то глубоко внутри меня навязчиво подсказывает: совсем не о деньгах он сейчас говорит. Но подсказки интуиции я игнорирую.

– Во-первых, если проблема не моя, а твоя, то и платить не мне – твоё заявление выглядит как минимум нелогично, – неспешно поднимаю сжатую в кулак руку в воздухе и разгибаю указательный палец так, чтобы он видел. – Во-вторых, – разгибаю средний палец, – если твоей гордыне станет легче, просто озвучь сумму и номер счёта, я перешлю тебе стоимость твоей испорченной одежды. В-третьих, заметь, – разгибаю ещё один палец, – встречных претензий я тебе не предъявляю, хотя могла бы, потому что не я одна виновата в том, что ты не смотришь, куда идёшь, так что скажи спасибо за то, что, в отличие от тебя, я такая вежливая и великодушная, – замолкаю, но ненадолго. – Ну, а в четвёртых, – разгибаю тоже четвёртый по счёту палец, – я тебе никакая не Дюймовочка, сам ты – Гулливер недоделанный!

Понятия не имею, с чего бы меня вдруг прорывает на такую многословность. Наверное, всё дело в том, что вокруг – полно свидетелей. Об их наличии вспоминаю не я одна. Тот, к кому я обращаюсь, недовольно косится на всё ещё наблюдающих за нами охранников (им только покорна в руки не хватает, с таким азартом смотря то на меня, то на моего оппонента), после чего в пару размашистых шагов сокращает дистанцию между нами. Мне стоит больших усилий в эти секунды не сорваться с места. Уж больно вид у него угрожающий. Нависает надо мной, поджав губы, а в глазах – столько гнева, что невольно сглатываю, ментально жалея о том, что не сдержалась.

Вот что стоит промолчать?

Мне же не привыкать...

Да только поздно.

– Лучше бы ты просто снова попросила прощения, – подтверждает вслух мою последнюю мысль брюнет. – А так... – недоговаривает, подозреваю, намеренно.

Зато продолжает пристально смотреть, словно собирается взглядом прожечь во мне дырку. И это жутко нервирует.

– А так... Что? – не выдерживаю затянувшейся паузы. – Снова будешь угрожать, что запихнёшь в багажник? – задираю подбородок, надо же казаться хоть немножечко выше.

На мой вопрос он не отвечает, лишь прищуривается, в демонстративном ожидании складывает руки на груди, неопределённо ухмыляясь.

– Футболка, Дюймовочка. Я жду.

Ждёт он, видите ли...

Я тоже много чего жду от этой жизни.

Но никого же не волнует.

– Футболка, значит. Ну, ладно, – на этот раз не спорю, убираю в задний карман джинс телефон, удобнее перехватываю картонный пакет с пострадавшим обедом и, выдавив из себя наимилейшую улыбочку в адрес того, кто никак не отстаёт, разворачиваюсь в сторону уборной на первом этаже.

Безусловно, ту, на чьей двери обозначено «Ж». И отстирывать пятна от чаудера я, конечно же, собираюсь на своей собственной одежде. А он... пусть там дальше стоит и ждёт. Без футболки.

Мне-то какое дело?

Тряпица от «Tom Ford» с моей лёгкой руки отправляется в первую попавшуюся мусорку неподалёку от того самого фикуса, где остаётся брюнет.

Пока иду к туалету, так и чувствую, как он продолжает прожигать меня своим негодованием. Тем прямее разворот моих плеч, увереннее осанка и чеканнее походка. Чёрт возьми, я почти ощущаю себя моделью на подиуме...

И шумно выдыхаю, сгорбившись, прислонившись спиной к закрытой на замок двери. На этом мой приступ смелости заканчивается. Нервно кусая губы, я достаю мобильник и проверяю статус своего повторного заказа обеденной доставки. Курьер уже в пути, так что у меня остаётся минут десять – пятнадцать

на то, чтобы отстирать одежду и привести её в относительно божеский вид под сушилкой для рук. С пиджаком из жаккарда такой метод быстрой стирки и сушки вряд ли прокатит, а вот с тонким шифоном блузки – вполне. Отослав сообщение Лизе, удостоверяюсь, что терпение Быкова пока не на исходе, своего секретаря он ещё не ищет, быстренько скидываю с себя пиджак, уложив тот на мягкий пуфик около напольного зеркала, а затем принимаюсь за отмывание пятен на блузке, попутно набирая сестре. Та берёт трубку не сразу, лишь спустя череду долгих гудков.

– Варь, я же сказала, всё нормально, я её нашла, – тут же отчитывается Ариша. – Мы уже дома. Она в порядке. Дома закончился хлеб и она пошла в продуктовый. Вернулась даже с хлебом, – хмыкает довольно, с ноткой гордости.

Учитывая мамино состояние – действительно достижение.

– Хорошо, – улыбаюсь я вяло. – Но я не поэтому звоню. Задержусь сегодня. Приду после одиннадцати, – делаю паузу, с содроганием сердца заранее представляя всё то, что меня ждёт этим вечером. – Может быть после двенадцати, – добавляю с небольшой запинкой.

На том конце связи воцаряется тишина.

– Ариш?

– Кхм... – закашливается моя близняшка, снова молчит, а дальнейшее звучит уже с неподдельным энтузиазмом: – Ты что, себе парня нашла?!

В этот момент я осознаю, почему она молчала. Переваривала. И переварила совершенно неправильно.

– Ариш, я на работе задерживаюсь, причём тут парень?! – возмущаюсь встречно. – Ты, как никто другой знаешь, что никакого парня у меня не было, нет и быть не может! Я буду работать! Как и всегда!

Два из пяти пятен побеждены с помощью горячей воды и дезинфицирующего средства, так что моё возмущение не такое уж и категоричное. Иногда учишься радоваться мелочам.

– А-а... На работе, – уныло отзывается девушка, опять замолкает. – Что это вдруг за работа такая ночная? – оживляется снова. – И ты же помнишь, что у меня сегодня смена с восьми?

Тяжело вздыхаю, принимаясь тереть третье пятно.

– Работа, как работа. Шеф заключает контракт с иностранцами, всё в спешке, им без разницы какое время суток. Поэтому и звоню. Ты можешь подмениться?

– Нет, только не сегодня. Сегодня у нас ревизия. Все выйдут. Даже те, кто на больничном, – с сожалением произносит Ариша.

– Паршиво, – вздыхаю тоскливо, заканчивая с третьим пятном, переходя к четвёртому. – Договорись тогда с тётёй Наташей? Чтоб присмотрела, – тру сильнее, крепче прижимая плечом телефон к уху, потому что это пятно – самое большое, и просто так не сдаётся моим манипуляциям.

Наталья Тимофеевна – соседка по лестничной площадке, которая выручает нас с сестрой в подобных ситуациях. Надеюсь, и на этот раз не откажет. Иначе я банально не знаю, что делать.

– Да, как раз видела её перед тем, как зайти домой, и говорила, что мне сегодня на смену. Вроде бы она свободна, – соглашается моя близняшка. – Я тебе потом отпишусь в WhatsApp, как узнаю.

– Угу...

Обязательно добавила бы что-нибудь ещё вместо подобного скупого прощания, но предпоследнее пятно на блузке исчезает, и я, прежде чем взяться за последнее, ненароком бросаю мимолётный взгляд на своё отражение. А оно там не только моё! Большую часть зеркала занимает загорелая гора литых мышц, наряду с самодовольно-ухмыляющейся физиономией... я уже даже не знаю, как его назвать! Как и не имею ни малейшего понятия о том, как он тут оказывается, ведь я точно помню, что поворачивала механизм затвора на дверной ручке. Как и звука открытия самой двери не слышала, хотя последнее из-за шума воды с крана и того, что я была занята беседой с сестрой... но не в этом же суть!

– Какого?.. – только и успеваю выдохнуть в неподдельном шоке, прежде чем гора литых мышц (до сих пор ничем не прикрытых!), приближается вплотную, после чего впечатывает меня собой в тумбу с умывальником.

Затылка касается чужое обжигающее дыхание. Сильные руки, сомкнутые в кулаки, упираются по обе стороны от меня о край фаянса, заключая в своеобразный капкан. Золотисто-карий взор, как и мой – направлен исключительно на наши отражения, глаза в глаза. Мой пульс моментально учащается. Сердце стучит громче. А немного погодя тихий вкрадчивый шёпот пробуждает мириады знойных мурашек по позвоночнику:

– Мне понравилось твоё приглашение, Дюймовочка.

Глава 4

Терпкий аромат мужского парфюма с отголосками имбиря проникает в лёгкие, просачивается в вены, ускоряя кровотоки. По коже проносится холодок. А тепло плотно прижимающегося мужского тела лишь обостряет эти ощущения, застаёт врасплох. Я замираю, пытаюсь смириться с непривычными чувствами. Ни в коем случае нельзя им поддаваться.

– Какое ещё приглашение? – буквально заставляю себя заговорить, абстрагируюсь от начинающейся войны в моей голове, резко отталкиваюсь и разворачиваюсь, глядя в нахальные карие глаза. – Я тебя никуда не приглашала! – бросаю категорично.

И совершенно зря я это делаю. Моя речь никого здесь не понимает. Брюнет заново прижимает меня собой к тумбе. А на этот раз я ощущаю не только силу и тяжесть его веса, но и кое-какую сугубо индивидуально-мужскую часть тела, что чувствуется всё отчётливее и отчётливее, всё сильнее упираясь мне в живот.

– Как это не приглашала? – насмешливо отзывается тем временем он. – Или скажешь, не ты меня несколько минут назад провоцировала принять вызов, гордо задрав свой симпатичный носик? – заканчивает неожиданно мягко, почти ласково.

Его взгляд плавно соскальзывает с обозначенной части моего лица ниже, к горлу. Надеюсь, он не замечает, с какой силой бьётся пульс на моей шее. Особенно в тот момент, когда внимание нахала смещается ещё ниже, к зоне декольте и узору чёрного кружева, прикрывающего мою грудь.

– Я не бросала тебе вызов, – поджимаю губы.

Что у этого психа только в голове творится?

– Неправда, Дюймовочка, – всё также на удивление мягко звучит от него, а один из кулаков, упирающихся в край раковины, разжимается, после чего он заносит руку выше в явном намерении прикоснуться, отчего я невольно вжимаюсь в тумбу сильнее, хотя это совсем не помогает возвести хотя бы на сантиметр больше дистанции между нами. – Сперва испортила мою одежду, потом унизила, потом оставила ни с чем... Ты же не думаешь, что я это просто так проглочу?

Ни о чём таком я правда не думаю. Разве что о том, что мне катастрофически не хватает кислорода. Дышать становится всё сложнее, будто весь воздух в одночасье выкачивают из помещения. Но объясняться с ним по этой части я, конечно же, не собираюсь.

– Как ты сюда вообще попал? – прищуриваюсь подозрительно, меняя тему разговора.

И вздрагиваю, когда его пальцы всё же касаются моего плеча.

– Вскрыл замок. Он у вас ненадёжный, – безразлично откликается мужчина, пока я пытаюсь уклониться от его нового прикосновения. – Миленькое.

Не сразу до меня доходит, что речь о моём нижнем белье.

– Прекрати! – требую в ответ и отклоняюсь назад, раз уж никакой другой альтернативы пока не приходит в мой разум. – Не надо. Не делай, – добавляю уже не столь уверенно.

С чего бы ему меня слушать?

– Не делать... как, Дюймовочка? – интересуется встречно брюнет. – Так? – подцепляет пальцами бретель и тянет в сторону.

Ударяю по его руке ещё до того, как осознаю всю полноту своей реакции. Он же – непонятно чем довольный, в полнейшем снисхождении улыбается на мои действия. А потом...

– Или так?

Тут я громко охаю. Ровно в тот момент, когда широкие сильные ладони крепко смыкаются на моей талии. Секунда – я приподнятая и усажена на тумбу. Ещё одна – колени разведены в стороны, и я вынуждена обнимать ногами мужской торс. Вода в кране до сих пор течёт, отодвинусь назад – вся вымокну, грохнувшись задницей в раковину, так что альтернатива – так себе. Но и оставаться на месте – тоже последнее дело.

– Да прекрати ты! – скатываюсь в истерику, толкаю обнаглевшего и приставучего, хотя все мои попытки тщетны.

Моя реакция его лишь забавляет.

– Тише, Дюймовочка, тише, – успокаивающим баюкающим тоном шепчет он мне на ухо, надёжно фиксируя меня около себя, не позволяя отстраниться.

Обнимает, поддерживая за спину, проводит по волосам.

– Будешь громко кричать, кто-нибудь прибежит, а ты тут полураздетая, трёшься об мой стояк... Что народ подумает: чем мы тут с тобой занимаемся? – звучит уже в откровенной издёвке.

Теперь я начинаю задыхаться по-настоящему.

От возмущения!

Приходится утихомирить свою панику, глубоко вдохнуть, медленно и плавно выдохнуть, призывая дзен.

– Я тебе никакая не Дюймовочка, – отчеканиваю мрачно. – Или я должна тебе ещё раз сто повторить, чтоб ты это усвоил?

– М-мм... Ещё сто раз? То есть, ты рассчитываешь, что эта наша с тобой встреча – не последняя? – интерпретирует на свой лад брюнет.

Дебилизм процветает, короче!

Однако я до сих пор стойко стараюсь не поддаваться.

– Не Дюймовочка. Варя. Варвара. Конкретно для тебя – Варвара Андреевна. Демидова.

Через мгновение я начинаю сожалеть о том, что выдаю ему своё настоящее имя. Впрочем, не всё так плохо.

– Глеб. Филатов, – любезным тоном представляется в ответ мужчина. – Обойдёмся без отчества, – дополняет с новой улыбкой.

И тут происходит нечто странное. Потому что я улыбаюсь ему в ответ. Да и вообще, вся моя нервозность куда-то испаряется. Просто потому, что невозможно не улыбаться. Слишком заразительная, беззаботная и открытая у него улыбка. Остаётся лишь странное тепло, исходящее от сильного мужского тела, впитывающееся под кожу, просачивающееся в вены, оседающее где-то настолько глубоко внутри, что так сразу и не определишь...

Имя, вернее фамилия, кажется знакомой, но я списываю это на то, что она весьма распространённая. Хоть улыбаться, как последняя дурочка, быстренько перестаю, и то спасибо.

– Что ж, Глеб Филатов, сказала бы, будто приятно познакомиться, но не имею привычки врать, так что сам понимаешь... – развожу руками. – Отваливай похорошему! Иначе правда буду кричать! И плевать я хотела, кто и что потом о нас подумает! – предпринимаю новую попытку его оттолкнуть от себя.

Что стараться гору свернуть. Бесполезно.

– Не отвалою, – тоже перестает улыбаться брюнет, цепляя гримасу полнейшей серьезности. – Разве что после того, как обзаведусь чистой футболкой, – заявляет в ультимативной форме.

Устало вздыхаю. И только сейчас обращаю внимание на некогда белую тряпицу от «Tom Ford», которая непонятно с каких пор уложена поверх моего пиджака.

– Ты достал её из мусорки? – усмехаюсь, выгнув бровь.

Риторический вопрос, не требующий ответа. Филатов и не отвечает.

– А ты постираешь. Смотрю, ты в этом деле мастер, – заглядывает мне за спину, туда, где остаётся моя недостиранная блузка.

Вздыхаю снова. Вспоминаю про шефа и то, что моё время на исходе, не до пустых препираний. В этот момент приходит оповещение: в течении десяти минут прибудет курьер с обеденной доставкой. Вот и...

– Постираю, если отойдёшь и перестанешь ко мне прижиматься, – сдаюсь, но ставлю условие. – Мне так неудобно, – добавляю в качестве аргумента.

– Ага, отойду, и ты сбежишь. Нет уж, Варенька, – приторно ласково отзывается брюнет. – Моя футболка. Я жду, – отстраняется, но только слегка, чтобы у меня появилась возможность обернуться к воде.

Стиснув зубы, с большим усилием гашу в себе желание послать оппонента ко всем чертям. И да, тянусь к его футболке.

Чтоб ему пусто было!

Поскольку уговор – стирка, сушка в него не входит, без малейшего зазрения совести полностью замачиваю белый хлопок под горячим потоком, после чего с самым преспокойным видом достирываю последнее пятно на своей блузке, пусть на самом деле всё внутри меня кипит от негодования. Так больше не единого слова и не произношу, но мысленно разрываю дизайнерскую футболку на мелкие клочки, пока тру ткань между зажатыми пальцами. И с особым маниакальным рвением тщательно выжимаю её, представляя на месте вещицы кое-чью дурную

шею, которую могла бы свернуть... а похвала за содеянное лишь добавляет масла в сжигающий моё нутро огонь негодования.

- Умница, - довольно сообщает Филатов. - Спасибо.

Я сижу на тумбе полубоком, тихо ненавижу его и злюсь на то, что вынуждена поддаваться. Он же... Он опять обнимает, прижимается ко мне плотнее. Помогает выжимать футболку. Едва его ладони накрывают мои - повторно вздрагиваю, затихаю, позволяю ему завершить задуманное. Смысл сопротивляться? Даже пальцы - и те раза в два крупнее, мощнее моих. Различаю каждую проступившую от напряжения на его руках вену и мышцу. Курьер прибудет совсем скоро, мне необходимо досушить блузку, одеться, убраться отсюда поскорее. Я помню об этом, да. Только не помню, по какой причине зависаю, заметив в отражении зеркала пристальный золотисто-карий взор, пока сушилка для рук обдувает горячим воздухом влажный шифон. Весь мир словно ставят на паузу. Забываю обо всём. Просто смотрю. Не в силах отвернуться. Да и что уж там, нет ни малейшей мысли об этом. И так хорошо. До поры до времени.

- У тебя реально нет парня? - всё портит брюнет, обозначив подслушанный телефонный разговор с моей близняшкой. - Почему?

Футболка тоже отправляется под сушилку.

- Какое тебе дело? - хмурюсь в ответ.

Хмурюсь ещё сильнее, потому что он молчит, подозрительно загадочно ухмыляется каким-то своим мыслям. И лучше бы он вовсе не заговаривал, потому что...

- Недавно рассталась с кем-то? Безответная любовь? Спишь с боссом? - выдаёт он немного погодя, перечисляя различные варианты.

Один другого хуже.

- Или всё сразу. Или я просто синий чулок. Такой вариант тебе в голову не приходил? - ехидничаю встречно. - Тебе-то что?

Ухмылка на его губах становится лишь шире.

- Похоже, ни за что не угадаешь, - пожимает плечами.

- Делать мне больше нечего, как гадать, что творится в твоих мозгах, - опять огрызаюсь, отворачиваюсь.

Потому и пропускаю тот момент, когда он вновь решает подхватить за талию. На этот раз, чтобы спустить меня с тумбы, поставить на ноги.

- Ты - кто угодно, но точно не синий чулок, Дюймовочка, - шепчет едва слышно, почти касаясь губами моего виска.

Слишком близко.

Слишком интимно.

Всего - слишком.

Потому и дёргаюсь в сторону, хватаясь за блузку. Ткань ещё толком не высохла, но я игнорирую это небольшое неудобство. Спешно накидываю шифон на свои плечи, торопливо застёгиваю пуговички. На мужчину больше не смотрю. Просто дышу, концентрируюсь на этом простом действии. И очень стараюсь не думать, насколько же тесно нам двоим на двенадцати квадратах, ведь я опять испытываю недостаток кислорода. Особенно остро - в тот момент, когда Глеб решает, что с меня достаточно, и покидает туалетную комнату, оставляя дверь открытой. Футболку забирает с собой. Так и не надевает. Просто уходит, с самым невозмутимым видом не замечая собравшуюся в коридоре толпу зевак, провожающих его жадно горящими любопытством взглядами.

Чёрт...

Чёрт!

Чёрт!!!

Мне, в отличие от него, требуется куда больше решимости, чтобы последовать такому же примеру.

– Варвара Андреевна, с вами всё в порядке? Долго вы там... – выдаёт один из охранников с отчётливо проскальзывающей неловкостью, едва я переступаю порог уборной.

Консьержки на пенсии, не служба безопасности, ей-богу.

– А что, притомились, устали ждать очередь? – язвлю, набравшись смелости. – В женский туалет? Мужской, наверное, не работает, да?

Ответа не жду. Направляюсь в сторону контрольно-пропускного пункта, чтобы встретить курьера. Тот не заставляет себя ждать. А уже вскоре я поднимаюсь на одиннадцатый этаж, со спокойной душой вручая с таким трудом раздобытый обед для шефа. На этом полоса моих неудач на сегодняшний день окончательно завершается. Быков не отпускает ни одного замечания о том, что еда на его столе сервирована на четыре минуты позже назначенного. Ему банально не до меня. Клиент, с которым он собирался обедать, – не является, и Виталий Леонидович угрюмо вчитывается в строки будущего договора, нервно постукивая ручкой по подлокотнику кресла, позабыв о моём существовании. Тем я и пользуюсь.

– Проекты приказов распечатаны. Они в синей папке. Письма, требующие вашего личного внимания – в красной, – указываю на стопку папок, покоящуюся на краю стола. – Как вы и просили, я перенесла все запланированные на сегодня встречи. Если указаний на самое ближайшее время больше нет, я могу отлучиться ненадолго, тоже пообедать?

На самом деле уставом предприятия установлен перерыв в сорок восемь минут, и тринадцать из них уже истекают. Та же Лиза давно отсутствует на своём рабочем месте. Но я – не она, у меня нет привилегии переступить порог фирмы без разрешения своего непосредственного начальства, пока он сам находится в её пределах.

– Да, пойдёшь, – так и не взглянув на меня, разрешает Быков.

– Спасибо, – благодарю, прежде чем покинуть его кабинет.

Свежий воздух мне действительно необходим. Так ведь и не удаётся толком восполнить недостаток кислорода. Никакого Глеба Филатова больше нет, но чувство удушения никак не покидает, будто до сих пор на грудную клетку давит его тяжёлой аурой. Сентябрь выдаётся по-настоящему тёплым: без пиджака, в одной блузке и джинсах, я наслаждаюсь видом ещё не пожелтевшей листвы и пёстрых клумб, комфортно расположившись под раскидистым дубом в парке напротив здания офиса. Ничего не покупаю в качестве съестного. На сегодня мне хватит и того, что по собственной глупости я оплачиваю повторный заказ для шефа, цена которого равна моим недельным обедам. К тому же, облитые чаудером блюда в контейнерах я забираю с собой. Салат, например, не особо пострадал, так что ловлю очередной дзен среди природы, неторопливо пережёвывая креветки с рукколой, посыпанные пармезаном. Остатки злополучного супа достаются местным псам. Они же тырят парочку стейков из картонного пакета и слизывают размазанный по всем контейнерам бекон с фасолью.

– Завтра ещё что-нибудь принесу, – улыбаюсь самому большому, рыжему дворняге, который явно не наедается предоставленным угощением.

Смотрит огромными печальными глазищами, при виде которых сжимается моё сердце, и то и дело виляет хвостом в ожидании добавки. Салат я уже доела, так что предложить мне ему нечего. Разве что небольшую порцию ласки.

– Фу, он же грязный и вонючий, – доносится сбоку с брезгливыми нотками, едва я тянусь к собаке.

Всё равно глажу его по загривку, отчего пёс довольно урчит и склоняет морду к моим коленям.

– Как вернусь, вымою руки с мылом, – отзываюсь, пожимая плечами.

Подошедшая ближе Лиза капризно кривит нос и близко к животному не подходит, останавливается в четырёх шагах от нас.

– Лучше с шампунем от блох помойся, – закатывает глаза девушка. – Вдруг у него бешенство? – опасливо косится на собаку. – Как укусит! – умолкает ненадолго. – Ты что вообще здесь делаешь?

Развожу руками.

– Я всегда здесь обедаю, когда погода позволяет.

И она прекрасно об этом знает. Собственно, потому и с лёгкостью находит меня здесь. Тем более странным кажется её вопрос. До поры до времени.

– Я думала, ты в каком-нибудь элитном ресторанчике, с кое-кем высоким и сильным, с которым как за каменной стеной... – загадочно улыбается на мои слова Лиза. – Ай, прости, кирпичной, – хихикает в довершение. – И не «за», а «у», – смеётся уже в открытую.

Сразу всё становится понятно!

– А, ты уже тоже знаешь, да? – вздыхаю обречённо.

Вопрос не требует ответа. Но я его всё равно получаю, причём в самом развёрнутом виде.

– Только ленивый не обсуждает ваш предобеденный междуусобчик в туалете, – со знающим видом хмыкает Лиза, мешкает ещё секунду, а потом всё же располагается на газоне, усевшись в позу лотоса. – Вот ты даёшь, Демидова! – охает, всплёскивая руками. – Никого у неё нет, видите ли, а сама такого мужика себе отхватила! – одаривает порицательным взглядом.

– Я же тебе рассказывала, мы с ним этим утром столкнулись... – пытаюсь возразить и разуверить её.

Да только кто бы меня слушал!

– Ага, – кивает Лиза. – Ага. Слышала я, как вы просто столкнулись и даже не познакомились, – расценивает по-своему. – Ты ещё скажи, что со всеми первыми встречными так в туалете уединяешься, – кивает с ещё большим энтузиазмом. – И даже имени их не спрашиваешь. Сразу в уборную за собой тащишь. Ага. Я тебе безусловно верю!..

Она определённо добавила бы много чего ещё, но на этом предел моего терпения заканчивается.

- Да не тащила я его за собой никуда! - не даю ей договорить. - Он сам туда припёрся! А я даже дверь на замок закрыла! И не было ничего между нами. Я там вообще блузку свою от пятен супа отстирывала!

Судя по скептической усмешке, мне не верят и на этот раз.

- Слушай, а вы реально только этим утром познакомились, или ты и тут темнишь? - гнёт свою линию и дальше девушка. - Нет, это же надо, он только пару дней, как в стране, а уже по полной программе, во все тяжкие... - качает головой, принимая прискорбный вид.

Вот теперь я реально напрягаюсь.

- Пару дней, как в стране? - переспрашиваю настороженно.

В какие такие «все тяжкие» - тоже беспокоит, но не столь сильно, как то, что та, кто вроде как с ним не знакома вовсе, знает о нём такие подробности.

С чего бы это?

Лиза в очередной раз закатывает глаза. Не отвечает. Достает свой телефон, открывает браузер и вбивает несколько слов в поисковик. Как оказывается впоследствии - имя и фамилию, к которым прибавляет «наследник Галеона».

- Давай, ещё скажи, что ты не имела ни малейшего понятия, кто он такой, - снисходительно-насмешливо комментирует секретарь финансового директора, пока я во все глаза пялюсь на протянутый ей гаджет.

Так сразу и не определишь, что в увиденном ужасает больше. То, что Глеб Филатов и есть наследник миллиардного корабельного бизнеса, или же то, что «Галеон» - тот самый, крупнейший за последний год клиент нашей фирмы. И вот что сказать на это? Разве что...

- Теперь меня точно уволят!

Глава 5

Спустя час по окончании официального рабочего дня я стою перед высоким напольным зеркалом в своей спальне, нервно кусая губы, сдобренные сливовой матовой помадой. Так наверняка и не понимаю, доходит ли информация об обеденном инциденте с моим участием до Быкова, или же нет. Он сам ни слова об этом не говорит. Из кабинета в течении дня тоже не выходит. Но отпускает пораньше, сославшись на то, чтоб я успела переодеться к вечеру. Я и переодеваюсь. Да так, что, кажется, перебарщиваю...

- А не слишком? - с сомнением смотрю на своё отражение.

Длинное платье в стиле годе глубокого синего цвета облегает фигуру по всему телу, юбка расходится лишь ниже колена, а тонкий цветочный орнамент в тон выглядит неоспоримо шикарно, плечи открыты, хотя рукав достаёт почти до локтя, на спине - ассиметричный вырез, всё с тем же цветочным переплетением. В таком облачении впору выходить на красную ковровую дорожку, а не отправляться на какой-нибудь заурядный ужин. Собственно, на самом деле наряд предназначается для выпускного бала в университете, обучение в котором в этом учебном году завершит моя близняшка.

- Ничего не слишком! - возражает Ариша, как и я, придирчиво осматривая платье. - Ты опять похудела что ли? - произносит больше своим мыслям, нежели обращается ко мне.

- Ну, не знаю, - продолжаю сомневаться я.

Как по мне, больше бы подошло обычное чёрное платье-футляр - самое то, не прогадаешь.

- Эх, ещё бы какое-нибудь кольцо с бриллиантами... - вздыхает меланхолично сестра, пропустив мои слова мимо ушей.

- Какое ещё кольцо?! Чтоб они решили, что у меня в самом деле не все дома, раз я так расфуфырилась, как будто больше не представится другого шанса? -

оглядываюсь к ней. – Нет, лучше я... – тянусь к наряду попроще.

Ариша страдальчески закатывает глаза.

– Слушай, ты помнишь сколько стоит та испорченная футболка этого твоего мудачного жеребца? – строго одёргивает она, шлёпнув по руке. – И ты в «Орионе» хоть раз была? Это платье, – тыкает в меня указательным пальцем, – самое то! Только колье не хватает, – хмурится, переводя внимание к столику со шкатулкой, в которой хранятся мои украшения.

Их не так уж и много, в основном бижутерия.

– Да причём тут его футболка? – начинаю злиться. – Он, может, вообще туда не придёт? – больше надеюсь, нежели предполагаю. – Сегодня вот обед даже отменил!

– Но ужин не перенёс! – ехидничает девушка.

Ариша – моя точная копия, у нас с ней только цвет волос разный, да и то потому, что она их обесцвечивает, а я – нет. И конечно же, я с ней делюсь всем тем, что происходит за сегодняшний день. Очевидно, зря.

– Так контракт будет подписывать не Филатов-младший, а его отец, – кривляюсь ответно. – Если конечно, его сыночек не успел наябедничать, и он до сих пор собирается его подписывать... – вздыхаю тоскливо.

Никак мне не даёт покоя то обстоятельство, что этот взбалмошный нахальный наследничек может запросто всё испортить, и только лишь для того, чтобы мне отомстить, насалив в меру своего положения. Поняла ведь уже, насколько ему нравится демонстрировать своё превосходство. Тогда меня стопроцентно уволят, хоть тысячу раз я согласись стать любовницей своего шефа.

– Тогда ты тем более должна выглядеть так, чтоб этот сыночек увидел тебя и позабыл все свои обидки, а потом весь вечер исходил слюной, осознавая, что упустил в своей жизни, – флегматично заключает сестра, доставая из шкатулки рубиновую каплю, обрамлённую белым золотом.

Когда-то эту вещицу подарил мне отец, на моё шестнадцатилетие, и это моя самая великая драгоценность, дело даже не в цене ювелирного изделия.

– Красота, и никакое кольцо не надо, – добавляет Ариша, закрепляя украшение на моей шее, как и я, любясь игрой света в гранях камня. – Твой Глеб Филатов точно слюной изойдёт!

– Угу, ты ж у нас спец по слюноотделению у мужских особей, – скептически хмыкаю я в ответ.

– А то! Кто, если не я, золушка ты наша ненаглядная? – одаривает ласковым взглядом.

– Именно поэтому твой ненаглядный Антоша уже третью неделю, как обещает прийти и познакомиться с нашей мамой, но каждый раз находит отговорки, чтобы перенести встречу? – усмехаюсь невольно.

Антон Третьяков – финансист, трудящийся в той же организации, где работает Ариша. Они встречаются около шести месяцев, но парень каждый раз отлынивает от семейных посиделок, что лично для меня является показателем его несерьёзности в дальнейших намерениях. Для меня – да. Но не для Ариши. Та втрескалась в него по уши и не желает слышать даже намёка на то, что их пара когда-нибудь перестанет быть таковой. Вот и сейчас:

– Никакие это не отговорки! – моментально меняется в лице девушка, сверля меня чистейшим негодованием. – У него отчётный период ещё не закончился, налоговая – это тебе не шутки!

Не спорю. Всё равно бесполезно.

– На работу опоздаешь, категоричная ты моя, – перевожу тему, взглянув на часы, висящие на стене.

Те показывают без четверти восемь.

– Вот именно, – делает вид, что всё ещё дует моя близняшка, складывая руки на груди. – Вожусь тут с тобой, вожусь, а ты... – удручённо качает головой,

направляясь на выход из комнаты. – И не смей переодеваться! В нём пойдёшь! – грозит напоследок пальцем. – Иначе я вас с Антоном вообще никогда не познакомлю! – ставит условие. – А маме так и скажу, что это ты во всём виновата!

– Сдаюсь, сдаюсь, твоя взяла! – улыбаюсь ей вслед.

Та на прощание посылает мне воздушный поцелуйчик. Я тоже. Мысленный. Потому что теперь, когда я остаюсь одна, стремление переодеться ощущается ещё острее.

И даже не в Глебе Филатове дело.

О навязчивых поползновениях шефа в мою сторону сестрица не знает. А Быков по-любому решит, что это я для него так вырядилась, последовав его пожеланиям по поводу моего внешнего вида. Хотя, если что, всё равно ж увольняться.

С такими мыслями я и заказываю себе такси...

И конечно же, мои опасения оправдываются в ту же минуту, в которую я переступаю порог ресторана. Правда, не совсем тем образом, которым я себе представляла. Всё гораздо хуже.

Ни одного из Филатовых нет. Меня встречает хищный голодный взгляд Виталия Леонидовича. Привычный его имиджу галстук сменяет чёрная бабочка, затянутая вокруг шеи, и накрахмаленный воротник. Учитывая помпезность обстановки – и его выбор, и мой наряд прекрасно вписываются в окружающее.

– Рад, что хотя бы в этот раз ты учла мои предпочтения, – отпускает своеобразным комплиментом Быков, подставляя локоть для сопровождения.

Едва нахожу в себе силы не шарахнуться в сторону. Хотя жест не принимаю. Но и отказаться вслух повода тоже не нахожу. Спасибо, ситуацию спасает подошедший администратор.

– Добрый вечер, меня зовут Елена, – доброжелательным тоном обозначает она имя, выгравированное на бейджике, прикрепленном к её белой блузке. – Я провожу вас до вашего столика и познакомлю с вашим официантом на этот вечер.

На самом деле площадь ресторана не такая уж и громадная. Мы пересекаем почти весь общий зал, рассчитанный максимум на шестьдесят мест, прежде чем нас подводят к отведённым для нас на этот вечер стульям с высокой роскошной спинкой. Сам интерьер заведения насквозь пропитан французским шармом, дарит ощущение уюта и тёплой атмосферы, явно эксклюзивный, высококачественный и элитный. Круглые или прямоугольные столы позволяют сделать любую, в том числе европейскую, рассадку. Нам достаются места за круглым столиком. Лично мне – по правую руку от начальства.

– Где успела удариться, Варвара Андреевна? – неожиданно интересуется Быков, не торопясь занять свой стул.

Проследив за его взглядом, я концентрируюсь на небольшом синяке, почти полностью скрытом краем платья. Если бы вырез был поменьше, то и вовсе не заметишь.

– Не помню.

Ложь. Потому что помню. Вернее – догадываюсь. Память очень живо рисует утренний инцидент у кирпичной стены в узком переулке, пока я опаздываю на работу.

Почему не признаюсь?

Опасаясь задевать любую тему, которая будет содержать наличие Филатова-младшего в моём обществе.

– Стоит быть осторожнее, – прицокивает языком мой собеседник.

Смеряет меня ещё одним оценивающим взглядом, а после, к моему облегчению, наконец, усаживается и утыкается в меню, поданное официантом, чью речь я пропускаю мимо ушей, думая об одном несносном брюнете.

Следую примеру шефа...

В меню ресторана включены блюда французской, японской, средиземноморской и итальянской кухонь – эта информация выведена вместе с красивой гравюрой на первой страничке под кожаным переплётом. Пармская ветчина с дыней, террин из утки, тёплый салат с лососем или курицей, каре ягненка, различные роллы, фаршированный поросёнок или гусь, баранья ножка, карп специального копчения, индейка в винном уксусе... Блюда выглядят так, словно мы это купим для какой-нибудь гастрономической выставки, чтобы оптом выиграть все призовые места, а не ужинать будем. То, сколько это всё стоит – вообще лучше не вспоминать.

– Говорят, блюдо сегодняшнего вечера: дорадо на гриле. Обязательно попробуй, Варвара, – комментирует изучение информации мой сопровождающий. – Трюфели здесь тоже изумительны, – озвучивает за меня и выбор сладкого.

Просто киваю. Перелистываю к десертам.

– Пирожные, торты и трюфели с начинкой из ганаша здесь – от шеф-кондитера, всё изготавливается вручную, без консервантов и красителей, – с умным видом добавляет мужчина.

Честно говоря, мне не особо интересна степень полезности сладких блюд, как и то, кто их там делает, но снова киваю, покосившись на экран своего гаджета. Четыре минуты, как одиннадцатый час вечера. Филатовых до сих пор нет. Их нет и на шестой минуте начала одиннадцатого, а в мою голову закрадываются нехорошие сомнения. Нервно закусив губу, я оглядываюсь по сторонам в надежде, что они вот-вот войдут в зал. Хотя бы один из них, уже без разницы кто, даже если это будет только Глеб. Всё лучше, чем я – один на один с Быковым. Вдруг он вообще меня обманывает и никакого подписания договора не будет?! А ту чёрную тоненькую папку он оставляет на краю стола между нами для отвода моей бдительности... И это самое меньшее из всего того, что я успеваю напредставлять себе за последующие минуты, пока мой шеф продолжает изучать меню.

– Прекрати елозить, как первоклассница, – замечает моё состояние исполнительный директор. – Раздражаешь.

Снова закусываю нижнюю губу. Прикрываю глаза. Плавно вдыхаю глубже. На этот раз, чтобы скрыть собственное раздражение. Конечно же, послушно притихаю. Но начальству и этого мало.

– Знаешь, почему я так спокоен? – вальяжно откидывается на спинку кресла, уперевшись локтём в подлокотник и откладывает меню в сторону, окидывая меня сканирующим взглядом.

– Понятия не имею...

О чём вообще речь!

– Контракт с «Галеон» будет нашим в любом случае, – озвучивает неожиданным признанием Быков. – У Филатовых банально нет особого выбора. Мы для них – лучший вариант. На российском рынке ни одна компания не обеспечит им такие расценки и сроки поставок, – подмигивает мне добродушно. – Опаздывают, хотят, чтоб мы понервничали, – смотрит на свои наручные часы. – Но ничего. Придут. Мы подождём. Не гордые.

С последним точно не поспоришь, поэтому опять киваю. Возвращаюсь к изучению меню. Однако молчание между нами длится лишь краткие секунды.

– Ты не спросила почему, – возвращается к разговору Быков. – Разве тебе не интересно?

Тут он прав. Не интересно.

Но не признаваться же ему в этом?

– Вам виднее, – пожимаю плечами.

Мужчина устало вздыхает, глядя на меня, как на тупицу.

– Репутация, Варенька. Всё дело в репутации. Например, у нашей компании и руководства она практически безупречна, – проговаривает, слегка прищурившись. – А вот репутация «Галеон» оставляет желать лучшего, несмотря на миллиардные счета в долларовом эквиваленте. Если учесть, что с некоторых

пор «Галеон» базируется преимущественно на американском рынке, так и вовсе можно сказать, что терпит бедствие, – демонстративно умолкает, дожидаясь, когда моё любопытство возьмёт верх и мне станут нужны подробности. – Знаешь, американцы очень восприимчивы к таким вещам, – заговаривает снова, как только я всё своё внимание перевожу на него, позабыв о меню. – Вполне могут отказаться вести совместный бизнес, если посчитают, что такое сотрудничество может навредить их имиджу.

– И чем же так подпорчена репутация «Галеон»? – не могу не спросить.

А всё внутри подло замирает в ожидании.

– Одна из подружек Глеба Филатова была найдена мёртвой в своей постели. Причина смерти – асфиксия. Доказательств, конечно, против него нет. Сама понимаешь, если есть средства и нужные связи... – многозначительно ухмыляется, вместо того, чтобы завершить предложение. – Но слух уже прошёл, абсолютно всем рты не заткнёшь, – прерывается из-за подошедшего к нам официанта, который разливает вино по бокалам и оставляет открытую бутылку с остатком алкоголя на столе. Продолжает свою речь Быков только после ухода служащего: – К тому же, этот инцидент – не единственный. Пару недель назад последняя пассия наследника «Галеон» подала на него в суд за жестокое обращение. Бедняжка, еле добралась до клиники, со сломанными рёбрами. Ночью. Пешком. Босая. Вся в синяках, – опять не договаривает, уставившись на моё плечо, и хмурится. – Точно не помнишь, где ушиблась?

Принесённое вино приходится весьма кстати. Выпиваю залпом сразу половину из того, что есть в бокале, с огромным трудом проглатывая вставший в горле ком. Как назло, именно в эти мгновения количество гостей за нашим столиком становится больше аж на три персоны.

– Добрый вечер, – слышу я незнакомый низкий бас, принадлежащий здоровенному мужчине за пятьдесят в деловом костюме.

За его локоть цепляется девушка едва ли старше меня. Алое платье с вырезом лодочкой струится вдоль стройных бёдер, скудно прикрывая их. Она лучезарно улыбается, едва я замечаю её присутствие, и тоже здоровается. Но я не успеваю ей ответить.

– Попали в жуткую пробку, – вонзается в сознание знакомый вкрадчивый баритон. – Хорошо, что дождались, а то не смог дозвониться.

И всё. Никаких извинений. Хотя бы формальных. Просто констатация факта. Да морозные мурашки, разливающиеся вдоль позвоночника, когда Глеб Филатов задевает мою ладонь, пока тянется к папке с договором.

Глава 6

Свёрнутая в виде кораблика рыба с гарниром из картофеля, синего лука и вяленых маслин пахнет очень аппетитно. Но я всё равно ковыряюсь в ней вилкой, не в силах заставить себя проглотить хоть кусочек. Кажется, обязательно подавлюсь. И без того каждый раз задерживаю дыхание, мечтаю слиться с обстановкой, а ещё лучше – испариться, когда ловлю на себе надменный золотисто-карий взор. Всё бы ничего – ну, смотрит и смотрит, не сахарная, не растаю, но мой шеф замечает каждый из этих взглядов. Учитывая то, что он мне рассказывал и спрашивал перед тем, как явились Филатовы, не просто так наблюдает. Об обеденном инциденте ему точно доложили. Не удивлюсь, если с кучей подробностей, которых на самом деле вовсе нет. И кто знает, что теперь меня ждёт. Одно радует, раз уж владельцы «Галеон» здесь, значит позорное увольнение из-за столкновения с Глебом грозит не так уж и скоро. Наверное. Последние пять минут наследник «Галеон» делает вид, будто внимательно изучает контракт, а те, кто вместе с ним – заняты выбором заказа и пустой болтовнёй.

– Ой, ну сколько уже можно только о работе думать? – страдальчески закатывает глаза с томной полуулыбкой блондинка в алом платье.

Её зовут Вера. Фамилию мне не сказали. Девушка – топ-модель, снимающаяся для различных глянцевого журналов. В Россию она прибывает вместе с Михаилом Филатовым в качестве «давней знакомой», то есть без определённого статуса.

– Столько, сколько потребуется, чтобы дочитать до конца, – совсем не ласково отзывается на её слова Глеб.

– Разве ты не занимался этим с утра? – возмущается встречно блондинка. – Скоро ночь будет, а всё одно и то же... – качает головой с выражением полнейшего порицания, а затем разворачивается к Филатову-старшему. – Мне скучно! – заявляет капризно. – А ты обещал, что вы тут быстренько всё подпишете и мы будем развлекаться!

Я еле сдерживаю улыбку. Быков таким порывом вежливости не отличается и открыто ухмыляется. Глеб – мрачнеет. А вот его отец смотрит на девушку с виноватым видом.

– Действительно, сын, весь юридический отдел согласовывал эту сделку, к тому же, несколько недель. Что там ещё такого ты смог найти, чего не нашёл днём? – занимает её сторону.

Так и хочется вставить ехидное замечание о том, что днём он ничего не мог найти, поскольку зажимал кое-кого в туалете, попутно заставляя подрабатывать бесплатной прачкой. Хотя я молчу. Но не сам Глеб.

– Днём у меня возникли... – пауза и короткий нечитаемый взгляд на меня, – другие обстоятельства, – кривая усмешка. – Я не просматривал.

Лица отца и его подружки дружно вытягиваются в удивлении.

– Ты об этом не говорил, – задумчиво протягивает Вера.

– Может быть потому, что я не обязан перед тобой отчитываться?

– И что за обстоятельства? – вмешивается в диалог Филатов-старший.

На этот раз Глеб молчит. Упорно концентрируется на строках перед глазами. Родителя это явно не устраивает, но кроме промелькнувшего на лице недовольства, он больше никак не показывает своё неодобрение. Впрочем, неизвестность всё равно длится не так уж и долго.

– Я, конечно, могу ошибаться, но у этих самых обстоятельств длинные тёмные волосы, симпатичные ямочки на щёчках, когда она улыбается, и шикарная девственная задница, – выдаёт всё также задумчиво Вера.

Лично у меня моментально отвисает челюсть.

– Хотя, если учесть её знакомство с Глебом, то, наверное, теперь не такая уж и девственная... – продолжает как ни в чём не бывало размышлять вслух блондинка. – Что? Я всего лишь цитирую то, что услышала от других! – поясняет на такой же шокированный, как у меня, вид Филатова-старшего.

Устало выдохнув, Глеб откладывает документы и переводит внимание на... отца. Ухмылка на физиономии Быкова расплывается шире-прежнего, взгляд, направленный на меня – хищный, как у коршуна, почуявшего добычу.

И так неуютно становится. А ещё весьма любопытно, что за «другие» такие, которые обсуждают мою «девственную задницу».

Откуда им вообще знать, что она девственная?!

– Ты опять за с-своё... – шипит тем временем Филатов-старший.

Младший обречённо вздыхает.

– Не трогал я её.

Отец ему явно не верит. Я, кстати, тоже.

– Что за девчонка и где ты успел её подцепить? – мрачно интересуется Михаил.

От сына ответа не дожидается, оборачивается к Вере. Та делает вид, что вообще не причём, с нездоровым энтузиазмом разглядывая свой французский маникюр.

– Я всего лишь сообщила тебе то, что услышала от ребят из охраны, – проговаривает, как бы между прочим. – Других подробностей не знаю, – флегматично хмыкает. – У них спроси, – умолкает, но ненадолго. – Ах, да! – восклицает неестественно радостно. – Вспомнила! Если не ошибаюсь, её зовут точь-в-точь, как милую помощницу Виталия Леонидовича, – одаривает сперва меня, а затем Быкова приторно-ласковыми взглядами. – Забавное совпадение, не правда ли?

Не правда!

Хотя бы потому, что ничего забавного я в этом не вижу.

И ещё тщательнее изучаю содержимое в кожаном переплёте перед своим носом. Да с таким особым усердием, едва Филатов-старший криво улыбается, покосившись в мою сторону, что начинает болеть голова. Ещё полчаса в их компании проведу и буду знать весь текст меню «Орион» наизусть.

– Да, очень интересное совпадение, – недобро прищуривается тем временем мой шеф. – Особенно, если учесть то, насколько редкое это имя, – звучит уже с нотками обещания.

Ничего хорошего, разумеется.

– Кхм-кхм... – прочищаю горло. – Отлучусь ненадолго. Извините, – не выдерживаю затянувшейся паузы.

Несмотря на то, что меня переполняет дикое желание бежать без оглядки, я изо всех сил стараюсь не сильно торопиться, пока встаю со стула и направляюсь в сторону уборной, трусливо мечтая выйти оттуда только к тому моменту, как договор между «Галеон» и нашей компанией будет подписан. Ещё лучше – когда все разойдутся. Жаль, моё временное бегство не помогает ни с осуществлением моих желаний, ни с тем, чтобы остаться одной. Даже дверь за собой не успеваю прикрыть, как моё минутное относительное одиночество нарушено.

– Не так быстро, Дюймовочка.

Дверь снова открыта. И закрыта. Но уже не мной. На замок. А тихий щелчок сработавшего затвора отражается в сознании, подобно приговору.

– Ты что делаешь?! – разворачиваюсь к вторгшемуся без спроса. – Они же теперь точно поймут, что речь обо мне, а не о какой-то там другой!

Судя по убийственно-спокойной физиономии Глеба, его такие «мелочи жизни» не особо волнуют. Он остаётся около запертой им двери, облокотившись на косяк плечом. Видимо, чтоб я не сбежала.

– Все всё поняли ещё до твоего побега и того момента, как я пошёл за тобой, – сообщает он флегматично. – Ты сама себя выдала в тот момент, когда Вера сравнила имена. У тебя же на лице всё написано.

Моему возмущению нет предела.

– То есть, ещё и я виновата, да?!

– Так и есть. Не я же.

А нет. Предел моего возмущения только что расширился.

– Как это не ты? Кто из нас двоих вот уже во второй раз вламывается к другому в туалет?! – откровенно злюсь, сжимая ладони в кулаки. – Какого чёрта ты вообще за мной постоянно таскаешься?!

– Я таскаюсь? – удивляется собеседник. – Милая, если ты вдруг забыла, то напомню, не я – ты дважды за сегодняшний день налетела на меня, как шальная бестия, не я – ты оба раза испортила чужой внешний вид, и не я – а ты каждый раз провоцируешь ситуацию на последствия и продолжение.

Хочется побиться головой об стену. Ещё лучше – побить головой об стену того, кто стоит напротив.

– Я же говорила, я случайно, – процеживаю сквозь зубы.

– Помощницей исполнительного директора компании, с которой мы заключаем контракт, ты тоже оказалась случайно, да? – продолжает бесить меня Глеб. – Что, другого варианта познакомиться со мной ближе не нашлось? – выдаёт уже насмешливо, шагнув ко мне ближе.

Отхожу назад.

– Больно надо мне знакомиться с тобой ближе, – отзываюсь мрачно. – И вообще, выйди отсюда! – указываю ему на дверь.

Бесполезная трата энергии. Ко всему прочему, моя рука перехвачена. Опомниться не успеваю, как меня дёргают на себя, впечатывая в мужское тело.

– Тебе-то может и не надо, но все вокруг теперь другого мнения, Дюймовочка, – тихо и вкрадчиво проговаривает брюнет, вместе со мной шагает в сторону, прижимая к стене.

Понятия не имею, зачем он это делает. Как и не понимаю, почему не сопротивляюсь. Опутывающий разум жар, исходящий от Филатова, слишком быстро туманит мозги, чтобы я могла хоть что-нибудь адекватно анализировать. И всё, что я ещё помню – то, как трудно дышать, как сильно и быстро стучит моё сердце в предвкушении неизведанного.

– Ты ведь уже тогда, в переулке знала, кто я такой, да? – произносит он, склоняясь непозволительно близко. – Не могла не знать. Это же твоя работа.

В какой-то мере он прав. Хотя всё совсем не так. Потому и не признаюсь. Молча смотрю в его глаза, надеясь заставить себя сделать хотя бы один-единственный маленький вдох, ведь кислорода начинает не хватать.

– Давай, Дюймовочка, признавайся, – продолжает Филатов-младший. – Зачем ты провернула со мной все эти номера? – вжимает в стену крепче, заносит руку и неожиданно ласково подбирает пальцами одну из прядок, заводя ту за ухо. – Твой босс тебе приказал? Отвлечь меня? Или что?

Туман в моих мозгах рассеивается в одночасье.

– Похоже, ни за что не угадаешь, – ехидничаю, припомнив сказанное им самим когда-то, толкая мужчину в грудь в попытке освободиться.

Ну, а какой смысл оправдываться? Пусть думает что угодно, мне-то что с того? Я его, скорее всего, всё равно вижу последний раз в жизни. Этой ночью, после подписания договора, семейство Филатовых возвращается в Америку.

– К тому же, никто тебя не тянул за язык, упоминать про «другие обстоятельства», из-за которых ты якобы не смог явиться к нашему исполнителю, – повторно толкаю мужчину в грудь, хотя и эта попытка

освободиться тщетна. – Да, я облила тебя. Дважды. Но даже футболку твою постирала в итоге. Так что причём тут твоё столкновение со мной, ваш договор и мой шеф со своими гипотетическими приказами?

Лично я никакой взаимосвязи не улавливаю. Но не Глеб.

– Как это причём? – криво усмехается брюнет. – Из-за тебя ведь... – не договаривает, по-новой вжимает меня собой в твёрдую поверхность.

И лишь теперь до меня доходит, что не только поверхность стены тут твёрдая. То, что снова упирается мне в живот, тоже весьма... ощущается, да.

Шумно сглатываю.

– Вот уже шестнадцать часов, как всё из-за тебя, Дюймовочка, – становится мне ошеломляющим открытием.

Руку с его груди я убираю. Сжимаюсь вся, мечтая обрести навык прохождения сквозь стены, ведь преграда за моей спиной – единственный выход отсюда. Мало того, что Филатов до сих пор прижимает меня собой, одна его ладонь смыкается в кулак, упираясь совсем рядом с моим лицом, а другая – плавно ложится мне на талию, смещается к пояснице и подталкивает ещё плотнее к жаркому сильному телу.

– Прекрати, – всё, на что меня хватает.

Судорожно хватаю ртом воздух, широко распахнутыми глазами глядя на то, как гаснет усмешка на губах Глеба. Черты его лица преобразуются в одно мгновение. Становятся жёстче. Золотисто-карий взор больше не лучится насмешкой и надменностью. Опасный. Голодный. Поглощающий. Плечи мужчины напряжены. Я замечаю, как проступают вены на запястье всё ещё сомкнутой в кулак руки. Та, что на шее – пульсирует всё чаще и чаще. Сам весь – как камень. Неотрывно смотрит на меня, следит за моей малейшей реакцией. Давит кулаком на стену, аж костяшки белеют. И дышит – тяжело, как я, прерывисто, будто никак не может надышаться. Воздух между нами хоть ножом режь. По коже словно электричество пускают. Кажется, ещё чуть-чуть, посыпятся искры. И если я сама понятия не имею, как это исправить, то Глеб...

– Уходи, – доносится от него приглушённо, с болезненными нотками.

Его голос совсем не громкий, не грубый, далеко не приказ – скорее просьба, напоминающая мольбу. Но я всё равно вздрагиваю, будто получаю удар плетью, а также вспоминаю о том, насколько всё происходящее здесь и сейчас неправильно. И без малейших пререканий выполняю сказанное им.

– Спасибо, – не знаю, за что благодарю.

Он так и не отходит, не сдвигается с места. Мне приходится проявить всю свою ловкость, извернуться немислимым образом, чтобы выскользнуть из капкана мужских объятий. На поясице остаётся обжигающий след, даже после того, как прикосновение Глеба исчезает, всё равно кажется, каждый его отпечаток со мной, остаётся не только на теле, но и в памяти, буквально въедается в подсознание, ничем не вытравишь. Переступив порог в коридор, я пошатываюсь, спотыкаясь на ровном месте, захопываю за собой дверь, ни разу не обернувшись, не уверена даже в том, закрываю ли резное деревянное полотно в самом деле. Не волнуется. Запутываюсь в подоле платья, до сих пор стараюсь выровнять дыхание, уговаривая себя не тонуть в этих необыкновенно ярких ощущениях, возникших ни с того ни с сего. И тихо ругаюсь последними словами себе под нос, расправляя ткань с цветочным орнаментом, чтобы продолжить путь. Потому и не замечаю сразу, что в коридоре не одна.

– Значит, повышение по карьерной лестнице тебе не нужно, ты вся такая недотрога, а с тем, кто побогаче и посмазливее – можно в любом месте, даже если это общественный туалет? – суровым тоном обвиняет Быков.

Замираю. Перевариваю услышанное. Медленно разгибаюсь, поправляя последнюю складку. За неё же цепляюсь пальцами в надежде найти хоть какую-нибудь точку опоры и не упасть.

– Вы всё не так поняли, – мямлю едва ли убедительно.

Естественно, что мой шеф тоже не верит. В пару шагов оказывается рядом. Нависает надо мной, как грозная туча.

– Да что ты говоришь? То есть, мне показалось? – фальшиво удивляется он. – Ты когда вообще успела с ним снюхаться, а, недотрога? – спрашивает с

требовательными нотками, но ответа не ждёт, цепляет указательным пальцем мой подбородок, приподнимает выше, чтобы я могла вдоволь усвоить то, как он впивается в меня осуждающим взглядом. – Моё терпение закончилось, Варвара Андреевна, – произносит, вернув тону былую серьёзность. – Либо этой же ночью я получу то, что так долго жду, и мы забываем об этом, – кривится, бросив косо́й взгляд на дверь туалета, – досадном инциденте, либо... – делает театральную паузу, надавливая на подбородок сильнее, – ты уволена, Демидова.

Кажется, будто земля уходит из-под ног. Нет, я не падаю. В груди холодеет. Я не знаю, что сказать, как правильнее отреагировать. Мне нужна эта чёртова работа. Но и ложиться под своего шефа я не собираюсь. Ни при каких обстоятельствах. Неспроста несколько месяцев включаю полную дурочку каждый раз, когда он начинает кидаться намёками на данную тему. Неужели всё? Подобное больше не прокатит? Слишком уж категоричное заявление с его стороны.

– Я... уйду, – не сразу, но нахожусь со словами.

Никаких резких движений. Пусть не думает, будто перед ним пугливая лань. Нахожу в себе силы и смелость взглянуть в его лицо, когда сообщаю о том, что покидаю его общество. И руку со своего подбородка тоже убираю неспешно, почти лениво, словно ничего особенного не происходит.

– Да? И далеко собираешься? – доносится мне в спину, едва я одолеваю второй шаг.

– Домой, – говорю, как есть. – К себе, – уточняю на всякий случай.

– Ужин ещё не завершён. Ты здесь не на вечеринке и не на свидании, с которого можно сбежать, когда тебе вздумается, – не соглашается со мной Быков. И если я отхожу от него на пару шагов, то он – приближается вновь всего в один. – К тому же я не услышал от тебя вразумительного ответа на тему стремления к твоему повышению, Варвара, – хватает за руку, вынуждая обернуться.

Сжимает на грани с болью. Я едва терплю, чтобы не отдёргнуть конечность.

– Насколько я успела уяснить, моя помощь при заключении контракта вам не требуется, так что и моё присутствие здесь не столь уж и необходимо, – выдаю

твёрдым решительным тоном.

Освобождению пленённого запястья это мало помогает, даже после того, как тяну руку на себя. Хватка мужчины становится лишь крепче, теперь в самом деле больно.

– Демидова, не беси меня своей тупостью, – процеживает сквозь зубы Быков. – Ты останешься здесь. Потому что я так сказал. И из ресторана мы уедем вместе. Если, конечно, ты не решила провести остаток своих дней, толкаясь в очереди безработных, прежде уволенных по статье за свою профнепригодность.

Дышать опять становится сложно. Будто на грудь бетонную плиту положили. И глаза подло щиплет. Ещё немного – позорно расплачусь от такой несправедливости.

– Я уйду, – повторяю сказанное прежде.

Нервно закусываю нижнюю губу, ведь эта боль отвлекает от слёз, немного перекрывает ту, что пронзает запястье. Освободиться так и не получается. Виталий Леонидович продолжает удерживать.

– Это твой последний шанс, Варвара. Больше предлагать не стану: или ты со мной, или на улице, я найду ту, что поговорчивее, – ухмыляется ядовито. – Поверь, потом ещё сама же спасибо скажешь и оценишь всё то, что я тебе предлагаю. Это только в первый раз «стыдно», – замолкает, снова ядовито ухмыляется. – Хотя, думаю, после второго перепихона в туалете тебе уже пора позабыть про стыд. Я – не сопливый мальчишка, всё будет, как надо, снимем номер в отеле, закажу тебе шампанское и всё, что хочешь. Сперва вдоволь расслабишьс-с-с... – дальнейшее застрекает в его горле, наряду со сдавленным подвыванием, едва в мужскую физиономию прилетает внушительный кулак.

Моё запястье отпущено. Быков всё с тем же подвыванием хватается за нос. Сквозь его пальцы сочится кровь. Я же в немом шоке оборачиваюсь на возвышающегося за моей спиной... Глеба.

– Сам ты... сопливый, – ледяным тоном отчеканивает Филатов. – Падаль, – добавляет, брезгливо скривившись.

В золотисто-карем взоре сверкает чистейшая ярость. Наверное, именно поэтому я не возражаю, когда он сдавливает мою ладонь в своей и тащит за собой по коридору. Едва поспеваю за его решительным размашистым шагом. Только чудом не падаю, спешно подбирая длинный подол платья прямо на ходу, чтоб тот не путался под ногами.

- Ты сюда как добиралась?

- На такси.

- Хорошо, - кивает больше каким-то своим мыслям, нежели сказанному мной, тянет за собой дальше, на улицу.

И только когда мы оказываемся посреди парковочной зоны, я, наконец, прихожу в себя.

- Ты что делаешь? - настороженно смотрю на чёрно-белый Bugatti Veyron, около которого мы останавливаемся.

Секунда, и дверь открыта, без приложения каких-либо видимых мною усилий со стороны Филатова. Мой вопрос также проигнорирован.

- Садись, - командует Глеб.

Окидываю бесстыдно дорогой спорткар скептическим взглядом. А ещё вспоминаю о том, что моя сумка остаётся на стуле, в зале ресторана.

- Нет, - качаю головой. - Спасибо, но мне надо вернуться, - вместе со словами разворачиваюсь ко входу в «Орион».

Так никуда и не иду, заставаю на месте. Вернуться - банально страшно. Ведь там Быков. Он жутко зол. И теперь...

- ...точно уволит, - срывается с уст обречённое.

- Это всё, что ты можешь добавить в качестве своей благодарности? - вопросительно выгибает бровь Филатов, перегораживая собой дальнейший

путь. – Садись в машину, Дюймовочка.

– Я же уже сказала тебе спасибо. Этого мало? К тому же, разве не ты сам сказал моему шефу, что тот получил за оскорбление в твой адрес? Так за что я должна тебя благодарить? – огрызаюсь в расстройстве. – Не поеду я с тобой никуда.

Если прежде у меня оставался хотя бы мизерный шанс на то, что Быков смягчится, то теперь после того, как он из-за меня получает по морде, а потом все его самые низменные предположения обо мне подтверждаются вместе с моим уходом в компании Филатова-младшего... однозначно уволит! Без вариантов.

– Бл*дь, я и так зол, не зли меня ещё больше своим упрямством, Дюймовочка. Садись в машину, сказал.

И мне бы сказать про забытую вещицу, ради которой я собираюсь вернуться, но где-то глубоко внутри словно невидимый тумблер переключается. А всё этот его ультимативный тон!

– Или что? – бросаю встречно, с вызовом. – Зачем мне садиться в твою машину? Я сюда на такси приехала, на такси и уеду, – хмурюсь, складывая руки на груди.

А то слишком уж заметно дрожат пальцы.

– Я не спрашивал у тебя, каким образом ты собираешься отсюда уехать, Дюймовочка, – мрачно отзывается Филатов. – В машину, сказал, садись, – кивает на кожаное сиденье в салоне.

– А потом что? – хмыкаю злорадно. – Домой отвезёшь? Утрёшь мои слёзы? Утешишь? А я отблагодарю тебя всеми доступными способами? Прямо в этой твоей машине? – где-то здесь мне совершенно точно пора заткнуться, но моя истерика давно сильнее здравого смысла. – Или тоже предложишь номер снять? Шампанское там, все дела, чтоб расслабилась... – накручиваю себя всё больше. – Сказала же: спасибо, за помощь. Но от тебя у меня проблем только прибавляется и прибавляется, если уж на то пошло, так что дальше лучше я сама.

На краю подсознания и вовсе мелькает подлая мысль вернуться не только за клатчем, но и проверить как там Быков, глядишь, если сумею вовремя «подтереть ему кровотокащий нос» и выказать участие, то может быть ещё сжалится... хотя и самой тошно от подобной перспективы.

– Видел я, как ты – «сама», – гневно прищуривается Глеб, умолкает на краткое мгновение. – Или сама сядешь. Или запихну. В багажник.

Не уверена, есть ли у этой нестандартной тачки багажник в принципе, однако оснований не верить ему у меня нет. Впрочем это не значит, что я так просто сдамся.

– Ты не понимаешь! Ты даже не сказал моему шефу, что там, в этом туалете ничего такого не было! Как и днём, в офисе! Они же теперь из-за тебя абсолютно все думают... – даже вслух произносить зазорно, – всякую фигню обо мне! Быков именно из-за этого так сильно обозлился! Он...

– Постоянно к тебе подкатывает с раздумьями, в каком бы ракурсе удачнее тебя трахнуть, а ты терпишь всё это дерьмо, лишь бы удержаться на этой дерьмовой работе? – перебивает меня Филатов.

Не сказать, будто он совсем не прав, однако...

– Не такая уж она и дерьмовая!

Достаточно высокооплачиваемая.

– Да что ты? – фальшиво удивляется брюнет. – Ты самой себе-то хоть веришь? Тупость же полная... – фыркает презрительно.

– Чего-о-о?! Сам ты тупость! Да ты на себя сперва посмотри! Эгоист хренов, считающий, что весь мир крутится вокруг него одного! – закипаю в одно мгновение. – Да что ты обо мне знаешь, чтобы суди... – так и не договариваю.

Обрываю себя, потому что замечаю безмолвного свидетеля своей пылкой тирады. Хотя не в самом его присутствии дело. Высокий мужчина в тёмном строгом костюме неподалёку от нас держит в своих руках... мой клатч! Его-то

незнакомец и протягивает, едва я зависаю с офигевшим видом.

– Хорошего вам вечера, Варвара Андреевна, – невозмутимо проговаривает он. – Глеб Михайлович, – кивает Филатову.

Тот ничего не говорит. А до меня, пусть и не сразу, но всё же доходит, кем именно является этот... распорядитель-чужими-клатчами, он же – один-из-ценителей-шикарных-девственных-задниц. Охранник Филатова он, в общем. Вот и то, что мужчина всё также невозмутимо скрывается в стоящем неподалёку тонированном внедорожнике со спецномерами, лишь подтверждает мою догадку.

– Да вы... вы... совсем охренели! – беспомощно пялюсь на свою сумку, в которой начинает пиликать мой мобильник.

И если где-то здесь мне до сих пор кажется, что сегодняшней день хуже уже стать не может, то, стоит взять трубку, как понимаю: всё, произошедшее ещё цветочки. Треклятые «ягодки» меня ждут впереди, ведь...

– Василиса! Где тебя носит?! Я тебе уже полвечера пытаюсь дозвониться! – кричит в трубку женский голос.

Мама явно взволнована. Но я моментально напрягаюсь не от её тона. От того, что её голос звучит на фоне гула городских улиц.

– Мама? – отзываюсь торопливо. – Где ты? Что случилось?

И да, мама, я – Варя, не Василиса. Нет у тебя дочери с именем Василиса. Но это «несущественные мелочи нашей жизни».

– Ариши нигде нет! Я искала её, искала, но никто не говорит мне, где она!

Устало вздыхаю.

– Она на работе, мама. Вернётся утром. У неё ревизия, – поясняю предельно терпеливо. – Ты лучше скажи, где ты и с кем? Ты же с тётёй Наташей оставалась, когда я уходила.

Гул городских улиц смешивается с резкими порывами ветра и ещё какого-то шума, чью природу я не в силах разобрать.

– Наталья побежала к своему сыну, ты же знаешь, он у неё адвокат. Они вместе приедут в отделение... – запинается, закашливается, – ну, когда мы узнаем в какое именно отвезли Аришу. Я тебе потому и звоню-звоню, а ты трубку не берёшь! – звучит уже обвинительно. – Вот что ты за сестра такая? Ариша в беде, а ты по ресторанам разгуливаешь!

Вдыхаю глубже. Правда, очень стараюсь проанализировать, заодно – поймать дзен. Выходит откровенно паршиво. Как минимум потому, что ни одному из нас не удаётся различать, где в маминых речах истина, а где воспоминания о фактах, которые на самом деле не имеют места в действительности, могут залезть в мамину голову из какого-нибудь сериала или же сводки новостей, при всём при этом она будет свято верить, что всё происходит именно с ней и теми, кто её окружает.

– В общем, я сейчас за тобой приеду и мы вместе поедem искать Аришу! – не дожидается ответа мама.

Подозрительный шум на фоне её голоса становится отчётливее. Секунда – другая, и я, наконец, осознаю всю широту грядущей катастрофы вместе с тем, что за звук такой мне слышится.

– Мама, а ты где сейчас? – срывается с моих уст вялое.

Я знаю ответ. И получаю подтверждение ему в считанные секунды. Наряду с грохотом столкнувшихся совсем рядом автомобилей.

– Здесь я, Василиса! Уже здесь! Только что припарковалась!

Да...

– Бл*дь!

Глава 7

Toyota Aqua – небольшой, гибридный автомобиль, первый и судя по шкале моего «везения» – последний в жизни, врезается в другую машину на скорости около двадцати. Этого вполне достаточно, чтобы бампер – треснул, фары – разбились, капот – сместился. Подушка безопасности, к слову, ни черта не срабатывает, по какой причине – я подумаю потом, сейчас впору позабыть о своих потерях, хватаясь за голову, оценивая стоимость повреждений другой пострадавшей стороны. То, что тачка, в которую врезается моя мама – дорогущая и на компенсацию причинённого ущерба мне работать не один год, это ещё полбеды. Самое худшее то, что вопящая противной сигнализацией машина, принадлежит... Быкову. Шоколадного цвета Infiniti QX60, припаркованный рядом с Bugatti Veuron, повреждён не настолько сильно, как та же Aqua, но всё же...

– Теперь он меня не просто уволит, но сперва ещё и придушит, – накрываю лицо обеими ладонями, борясь со стойким желанием банально упасть там же, где стою, и расплакаться, подобно маленькой слабой девчонке.

Ну, что за невезение такое?!

Для Быкова его кроссовер – самое неприкасаемое, что только есть. Помнится, как-то раз один из уборщиков компании задел метлой переднее крыло, когда подметал территорию (царапина – очень мелкая, почти незаметная!), так до сих пор не может себе работу найти.

– Придушит? – непонимающе переспрашивает Глеб.

Признаться, не верится даже, что удаётся увидеть столь правдивую озабоченность и беспокойство на его лице.

– Угу, – отзываюсь уныло. – Это моя мама... – дополняю, наблюдая за тем, как женщина с лёгким кряхтением вылезает из салона автомобиля.

Наверное, я бесчувственная дрянь, раз не бросаюсь к ней с причитаниями и испугом по поводу того, в порядке ли она после случившегося. Слишком зла. Как бы самой не придушить её. Вижу же – в порядке, головой об руль не ударялась. И даже больше...

– Василиса! Ты всё ещё стоишь! – негодует она. – Давай, садись, поехали! – машет мне рукой, чтобы я поторапливалась.

И ни секунды внимания на повреждённые детали автомобилей. Словно не существует никакого столкновения – всё только в моей голове.

– Я не Василиса. Я – Варвара, мама, – произношу, призывая всё своё терпение, чтобы не повышать на неё голос, хотя хочется банально наорать.

Толку никакого, но хоть как-то душу отвести...

– Варвара? – удивляется встречно родительница, призадумывается на несколько секунд. – Дурацкое имя, – выносит вердикт. – Кто тебя только так назвал? – интересуется совершенно искренне.

Вздыхаю. Скриплю зубами. Молчу. Филатов-младший в это время тихо фигеет, как я совсем недавно, когда впервые заметила его охранника и свой клатч.

– Она болеет, – поясняю вынужденно. – У неё проблемы с вменяемостью.

– И на кой х*р тогда ты разрешаешь ей садиться за руль? – хмурится Глеб.

– Я не разрешаю. Она вообще спала, когда я уходила.

– Ну-у... видимо, выпалась, – флегматично хмыкает брюнет.

В этот момент я вспоминаю, насколько же он невыносим.

– Чего ты встала, как вкопанная?! Говорю же, садись, Василиса или Варвара, как тебя там, без разницы! – между тем теряет терпение мама.

Я его, кстати, тоже, закономерно теряю. Но пока ещё хватаюсь за жалкие крупички того, что остаётся от моей выдержки.

– Мы не можем никуда уехать, мама. Ты врезалась в чужую машину, теперь нужно вызывать аварийных комиссаров и составлять европротокол, – указываю

ей на место соприкосновения кроссовера Быкова и моего гибрида.

Женщина снова удивляется. Сильнее прежнего. Нахмурившись, она осматривает результат своей парковки. Я же в полнейшем отчаянии отсчитываю секунды, когда хозяин Infiniti явится сюда и начнёт меня убивать.

– М-м... да было бы тут что составлять, – оценивает результат своего подвига мама. – Пара царапин всего, – отмахивается лениво. – Ты едешь или нет? Сколько можно тебя ждать?! – переключается на прежнее. – У нас с тобой проблема – куда важнее этого ведра! – презрительно фыркает в сторону кроссовера.

Страдальчески закатываю глаза. Не переспоришь ведь и не докажешь ей. Я и не собираюсь. Вместо очередной пустой траты кислорода, набираю сестре, чтобы уже закончился этот балаган, мне совсем скоро с другим, куда более серьёзным разбираться. Вот только гудки идут, но трубку она не берёт. Впрочем, если она сильно занята, то и не возьмёт, так что это ещё ничего не значит. Хотя всё равно нервирует. Набираю снова. Отправляю ей сообщение. И с неким подлым замиранием сердца жду, прочитает она моё послание, или же нет. Нет. Мама тем временем тоже отвлекается на телефон. Ей кто-то звонит.

– Да-да, Наташенька, – отзывается она, после какое-то время молчит, выслушивая абонента на том конце связи. – Да-да, именно так! – кивает с озабоченным видом. – Советская, сорок девять, поняла, – кивает повторно. – Я тоже скоро буду! – разворачивается к автомобилю, на котором приехала, с явным намерением вернуться за руль.

На мой оклик никак не реагирует. Поглощена разговором.

– Мама! – кричу ей вдогонку снова, шагаю в её сторону.

Поймать беглянку не удаётся. Дорогу преграждает... Быков. Очень-очень злой Быков. В любой другой ситуации я бы в полной мере оценила его грозный вид, налитые кровью глаза, которые чуть ли не молниями сверкают, и сомкнутые в кулаки руки. Но не здесь и сейчас. Правда, попытка обойти его по диагонали заканчивается полнейшим крахом. Виталий Леонидович ловит за локоть, насильно разворачивает к себе лицом, впивается требовательным взглядом.

– Это что такое, Демидова?! – рычит гневно на всю округу.

То, что легковушка, припаркованная в его Infiniti, принадлежит мне, он знает наверняка, так что выиграть время на выяснение этих обстоятельств точно не удастся. Его даже ни разу не задевает тот факт, что за рулём не я – моя мать. Та, между прочим, уже завела двигатель и сдаёт назад.

– Я вам потом объясню! И всё возьму! – бросаю торопливо, дёрнувшись в сторону, всё ещё надеясь успеть за матерью.

Напрасно. Toyota Aqua вырывается к дороге. Хватка Быкова – железная. А мой разум добивает хруст отвалившегося бампера, который родительница успешно переезжает, направляясь дальше.

– Ну, нет уж, Демидова. Ты мне всё объяснишь и возместишь прямо здесь и сейчас! – непреклонно заявляет тем временем мой пленитель.

Открываю рот, но не успеваю ни звука произнести в ответ.

– Может быть ты и получишь своё возмещение, вместе с объяснениями. Но только после того, как уберёшь от неё свои руки, – ледяным тоном доносится из-за моей спины от того, о чьём присутствии я чуть не подзабываю.

И не понимаю вовсе, когда Филатов-младший успевает оказаться рядом. Зато пальцы Быкова моментально разжимаются. Мужчина даже отодвигается от меня на полшага назад, глядя теперь исключительно на Глеба.

– Скажи ещё, что компенсировать и возмещать ущерб будешь ты, а не она, – ухмыляется с досадой Быков.

И если лично я до сих пор стою с приоткрытым ртом (теперь, не потому что я собираюсь что-либо сказать, а банально от изумления), то ответ Филатова звучит с полнейшей флегматичностью:

– Моя женщина – моя проблема.

И всё. Ничего больше. Весь былой запал ярости и злости Быкова испаряется в одночасье, как по взмаху волшебной палочки. Плечи заметно ссутуливаются. На меня так и не смотрит. Тоскливо оборачивается к своей машине, с грустью вздыхая. Молчит. Я, к слову, тоже. До сих пор перевариваю услышанное. Почему не возражаю? Как бы трусливо и подло то ни звучало, сказанное Филатовым – для меня лучший выход из ситуации. По крайней мере, на данный момент. О последствиях такого моего легкомысленного поступка я подумаю потом.

– Но она всё равно уволена, – ворчит Быков, немного погодя.

От нас он отходит. Вот теперь я оборачиваюсь к Глебу. И смотрю на него с надеждой, даже почти мольбой. Потому что как никогда чётко и ясно осознаю силу влияния этого мужчины. И точно знаю, ещё одно его слово – моя работа снова будет моей. Плевать, как низко я падаю. Ведь это всё же шанс.

Когда ещё такой подвернётся?

– Нет. Не уволена, – отзывается Филатов.

Моё сердце замирает и тут же воспаряет в самые небеса. Зря.

– Она уволилась сама, – безжалостно разбивает мои иллюзии наследник «Галеон». – Соответствующее заявление будет у тебя на столе завтра утром. И ты его подпишешь. С выплатой компенсации. А потом будешь очень стараться и дальше, чтобы она не подала ещё одно заявление. По сто тридцать третьей и сто тридцать пятой УК РФ, за твоё сегодняшнее поведение. Про свою Infiniti можешь уже забыть. Эта тачка – лишь малая часть из того, что ты ей теперь должен, – проговаривает в форме ультиматума, умолкает на пару секунд. – Ты собиралась ехать, – обращается уже ко мне, неожиданно мягко.

Широкие ладони плавно опускаются мне на плечи, аккуратно подталкивают к Bugatti Veyron. Не спорю, не сопротивляюсь и на этот раз. Да что уж там, я до сих пор в шоке от того, как всё оборачивается. И только оказавшись наедине с Филатовым, когда спорткар выруливает со стоянки на дорогу, нахожусь с первым, что приходит в голову:

– Спасибо, – благодарю тихо.

Глеб не отвечает. Сосредотачивается на дороге. Автомобиль планомерно набирает скорость, очень быстро превышая допустимый правилами дорожного движения предел, целенаправленно направляясь...

- Куда мы едем?

- Советская, сорок девять, - отзывается Глеб.

Хмурюсь, смотрю на него в непонимании.

- Разве не туда направилась твоя мать?

Туда-то туда, однако...

- Зачем тебе это? Я могла бы взять такси.

Он опять не отвечает, безразлично пожимает плечами. Я не настаиваю. Тоже молчу. Пока спорткар пересекает одну улочку за другой, я упорно пытаюсь понять, с чего вдруг такие радикальные перемены в его поведении по отношению ко мне, но не нахожусь ни с одной мало-мальски здоровой догадкой. А тишина между нами нервирует всё больше и больше.

- Там же твой папа остался. И Вера. И договор... - начинаю неуверенно.

- Договор подписан. Ещё во время твоего побега, - перебивает Глеб. - Мой отец - большой мальчик, сам в силах добраться до отеля. Вера ему в помощь, - усмехается в довершение. - У них всё равно были планы на вечер, не включающие наше с тобой присутствие.

Это его «наше с тобой» напрягает и нервирует ещё больше, чем тишина. Но я снова молчу. Развернувшись вполоборота, всматриваюсь в немного суровые черты лица bruneta, как он изредка хмурится каким-то своим мыслям, продолжая сосредоточенно вести машину.

- Почему ты сказал Быкову, что я - твоя женщина? - не выдерживаю затянувшейся паузы. - Я - не твоя, - напоминаю на всякий случай.

Заранее готовлюсь услышать какую-нибудь колкость или же язвительное замечание, с учётом того, что именно эти слова, по сути, спасли меня, от долгих мучительных разбирательств. Но Глеб удивляет снова.

- Так было проще всего, - слышу я отстранённое. - Не парься, Дюймовочка, я - не Быков, не нуждаюсь в принуждении и не прибегаю к шантажу, чтобы заставить девушку быть со мной.

Это успокаивает. Ненадолго.

- Чем занимается твоя сестра? - внезапно меняет направление разговора Филатов.

- Она - старший продавец в супермаркете, - отзываюсь настороженно. - А что?

- Ничего. Просто спросил.

Ничего просто так этот мужчина совершенно точно не делает, тем более - не интересуется чужой жизнью, но свои доводы я оставляю при себе. Звоню матери. Та берёт трубку лишь спустя долгую череду гудков, за время ожидания которых я успеваю напредставлять себе ещё парочку аварий с её участием, и это - тот минимум, на который только хватает моего измученного сегодняшними приключениями разума. С нашей мамой всё равно никогда не знаешь наверняка.

- Где тебя носит?! - звучит одновременное и от меня, и от мамы.

И если мой голос - просто взволнованный, то мамин - полон раздражения. Словно я мешаю какому-то важному делу своим звонком.

Секундная пауза. Вдох поглубже.

- Я еду. За тобой, - проговариваю предельно спокойно, хотя то и даётся с большим трудом. - Ты сама где?

Вместо ответа слышится грохот, предположительно тяжёлой железной двери, которую захлопывают.

– А я уже приехала, – не сразу, но отзывается мама. – Адрес-то знаешь, куда ехать? Потеряешься ещё, непутёвая моя, Василиса.

Ещё один вдох поглубже.

– Знаю. Советская, сорок девять, – послушно называю требуемое.

Очередной лязг и грохот, чьи-то невнятные ругательства незнакомым мужским голосом, от которого я напрягаюсь больше прежнего.

– Угу, как зайдёшь, спроси капитана Жеглова, он тебя проводит!

И всё. Отключается. Повторный набор номера не приносит никакой пользы. Абонент временно недоступен.

– Идиотизм, – выдыхаю устало, бессмысленно рассматривая потухший экран своего телефона.

Как будто мало приключений на сегодняшний вечер, так ещё и это всё.

– Прошлым летом наша соседка собралась в десятидневный круиз на пароходе. Копила на него несколько лет. Но потом наша мама «вспомнила», что совсем скоро утонет титаник, и не пустила её. Закрыла в квартире и смыла все комплекты ключей в унитаз, чтоб та наверняка не «потерпела кораблекрушение». Пришлось вызывать слесарей и вскрывать дверь, – сама не знаю, зачем делюсь этими воспоминаниями, уставившись в собственные ладони, наблюдая за тем, как они дрожат. – Это называется конфабуляция – вид расстройства памяти. Ложные воспоминания сопровождаются патологической убежденностью в их истинности. Содержанием становятся образы прошлых событий, измененные и перемещённые в более близкое время, либо фантастические выдуманные образы, взятые извне.

Только теперь решаюсь взглянуть на водителя. И не сразу замечаю, что автомобиль давно снижает скорость. Bugatti Veyron паркуется перед длинным пятиэтажным зданием П-образной формы, часть из которого обнесена высокими бетонными плитами и колючей проволокой. Аккурат рядом с моей Toyota Aqua без переднего бампера. Автомобиль пуст. Мамы не видно.

– Пятый отдел управления МВД Советского района, – обозначает Глеб то, что содержится на табличке, прибитой у центрального входа в здание.

Я...

Уже и не знаю, во что верить.

– Пойдём, посмотрим, что за титаник потонет на этот раз, – приободрительно улыбается мне Филатов, прежде чем покинуть салон автомобиля.

Ничего не остаётся, как последовать за ним.

Глава 8

Если снаружи пятый отдел управления МВД Советского района выглядит немного жутким, то внутри – вовсе откровенно пугающим. Громоздкая дверь на тяжёлой пружине захлопывается за нами с мерзким лязгом, а за тамбуром в полшага – четыре квадратных метра, за которыми ещё одна такая же дверь, да толстенное стекло с внушительной решёткой, по ту сторону от которой – дежурный в синей форме. На наше появление он никак особо не реагирует, лишь вопросительно приподнимает бровь, параллельно выслушивая кого-то по трубке стационарного телефона. И если я привычно призываю себя к терпению, дожидаясь, когда оперуполномоченный закончит свой разговор, то Глеб никого ждать не собирается:

– Демидова Арина, – обозначает имя моей сестры.

Удивлённо смотрю на него.

Откуда ему знать её имя?

Я не называла...

Разве что слышал сам, когда я разговаривала с сестрёнкой по телефону.

– Её мать здесь, – добавляет Филатов. – А это, – кивает в мою сторону, – её родная сестра. Мы бы хотели, для начала, узнать причину задержания.

Дежурный так и не кладёт трубку, перебрасывается с невидимым собеседником парочкой коротких фраз, только потом переводит внимание на журнал, покоящийся на его столе в раскрытом виде. Я тоже обращаю внимание на то, что там содержится. Оказывается, там вписано имя моей сестры. И не только оно, также указано время и ещё какие-то непонятные каракули в специальных столбиках, расчерченных синей ручкой. Не удаётся разобрать их, сколько ни стараюсь. К тому же, в скором времени журнал банально закрыт рукой дежурного.

– Паспорт. Сами кем ей приходитесь? – наконец, заговаривает дежурный, цепко оглядывая Глеба с ног до головы.

– Паспорта с собой нет. Водительское подойдёт? – отвечает на часть вопросов, игнорируя степень родственной связи.

Впрочем, сам дежурный тоже не отличается особой разговорчивостью.

– У вас паспорта тоже нет? – обращается ко мне, позабыв про Филатова.

– Есть, – киваю, поспешно открывая свой клатч, чтобы найти обозначенное. – То есть, Ариша, правда, здесь? Почему? – ищу паспорт.

Руки у меня и так весь вечер дрожат. Теперь – слишком сильно. Замок не поддаётся манипуляциям, застрял, не открывается. От этого я нервничаю ещё заметнее. Ведь... Какого чёрта?! Что такого может произойти, что моя сестра оказывается в таком месте?! За что?! И мама... почему я ей сразу не поверила?!

Это всё какое-то дурацкое недоразумение!

– Капитан Жеглов! – вспоминаю то, что говорила родительница. – Мама сказала, спросить его, он нас проводит, куда надо.

Дежурный, при упоминании более высокого звания, едва уловимо морщится. Нехотя берёт в руки мой паспорт и долго рассматривает его, словно он может

быть фальшивым. Свой телефонный разговор всё-таки завершает. Набирает кому-то ещё, жестом указывая нам ждать. Ожидание длится не так уж и долго. В этот момент в помещении, напоминая клетку, появляется ещё две персоны. Мужчины, не в форме – в гражданском, заходят со стороны улицы, с негромкими смешками переговариваясь между собой. Очевидно, один из них – как раз тот, кто нам нужен, так как дежурный, заметив их появление кладёт трубку, так ни с кем и не переговорив, а затем громко и с расстановкой озвучивает, нажимая кнопку громкой связи:

– Капитан Жеглов! Эти, – кивает на нас. – Тоже к вам!

Голос звучит подозрительно торжественно. Не менее подозрительно – тот из двоих мужчин, что повыше, страдальчески закатывает глаза и мрачнеет, а второй начинает банально ржать, прикрыв рот кулаком, изредка показательно кашляя.

– Спасибо, Шарапов! – машет ему другой рукой сквозь смех.

Вот теперь я понимаю, что именно сказанула...

Так стыдно мне не было.... да даже после двух туалетных визитов совместно с наследником «Галеон»! Глеб, к слову, единственный из всех нас, кто сохраняет полнейшую невозмутимость.

– Что, и даже не капитан? – интересуется он у на-самом-деле-совсем-не-Жеглова.

Тот мрачнеет куда заметнее.

– Капитан, – цедит сквозь зубы. – Ожиганов.

Мой сопровождающий кивает, принимая информацию к сведению.

– Мы по поводу Арины Демидовой.

Мрачность на лице капитана Ожиганова никуда не девается. Но приобретает странный оттенок решимости.

– С ней адвокат. Вся доступную информацию можете узнать у него, – обходит нас и направляется к другой двери. – Мать заберите, – бросает уже угрюмо. – Иначе и её закрою, – берётся за дверную ручку, но не тянет, сперва дожидается соответствующего разрешительного сигнала.

Впрочем, и тогда не уходит.

– Подожди, капитан. У меня к тебе личный разговор есть, – бросает Филатов. – Пойдём, покурим вместе.

Понятия не имею, с какой стати, но тот в самом деле остаётся.

– А ты дожись адвоката и маму, – обращается Глеб уже ко мне, прежде чем выйти на улицу вместе с Ожигановым.

Их нет долго. Как нет и мамы, и адвоката. Внутри меня так и не пускают. Я с Андреем Рашидовичем – сыном Натальи Тимофеевны плохо знакома, едва узнаю его, как только тот появляется в сопровождении Демидовой-старшей. У обоих настолько непроницаемые лица, так что и не понять, насколько всё плохо. Хотя, если учесть, что Ариши с ними нет...

– Всё плохо, да? – слетает с моих губ тихое.

Адвокат вяло улыбается мне, косится на дежурного.

– Пойдём, Варенька, на улицу, в машине поговорим.

В груди подло давит в самый неподходящий момент. Но я делаю усилие над собой и киваю, покорно плетясь за выходящими из здания. Свежий воздух тоже не особо помогает избавиться от премерзкого чувства. В висках стучит. Если прежде я наивно убеждаю себя, будто всё вокруг – как дурной сон, скоро пройдёт, не может быть такого, просто недоразумение, то теперь...

– Антон Третьяков взял из кассы четырнадцать миллионов и скрылся. На данный момент он в розыске. Но вину разделили также между старшим кассиром и старшим администратором, так как обе состояли в близких с ним отношениях и имели доступ к деньгам, одному ему подобное не повернуть, – звучит

монотонным приговором в моих ушах от Андрея Рашидовича, едва я прислоняюсь к капоту своей машины.

Глеба, как и капитана Ожиганова, нигде не видно.

- И что будет теперь? - спрашиваю, почти не слыша собственного голоса.

Четырнадцать миллионов...

Четырнадцать, мать вашу, миллионов!

Весь мир буквально падает мне на голову. Нет, не падает. Рушится. Забирает возможность дышать. Я снова и снова жадно хватаю ртом воздух, никак не в силах надышаться. Прижимаю сжатые в кулак руки к груди, опять пытаюсь дышать, призывая себя к спокойствию. Но какое к чертям спокойствие, если...

- Арине грозит лишение свободы на срок до десяти лет. Если она согласится подписать явку с повинной, то наказание будет мягче...

- Явку с повинной? - перебиваю адвоката. - То есть, она должна признать вину? Но она же не виновата! Это всё долбаный Третьяков! Не зря я его терпеть не могу! Лицемер долбаный! - срывается с моих уст в отчаянии. - Какая ещё явка с повинной? Вы в своём уме?!

- Её вина доказана. В вашей квартире произвели обыск, нашлась небольшая сумма, номера банкнот...

- Бред! - не желаю слышать дальше. - Она не могла! На кой чёрт ей воровать, а потом идти на ревизию, да ещё и деньги прятать у себя дома?! - привожу доводом. - Тот, кто своровал хренову тучу денег, валит подальше с места преступления, а не идёт туда, где его примут с поличным!

Кажется, моя голова вот-вот взорвётся. Перед глазами подло темнеет. Мир постепенно расплывается. Кислород заканчивается. И наверное, обморок бы окончательно меня поглотил, если бы не...

– Владелец супермакета согласен забрать заявление и закрыть дело, если ущерб будет возмещён. К утру, – раздаётся за моей спиной.

Я цепляюсь за этот уверенный голос с вкрадчивыми нотками. Пусть и с огромными усилиями, но остаюсь в реальности. Оборачиваюсь к подошедшему.

– И с чего бы ему это делать? – удивлённо смотрю на Филатова.

– Если будет суд, то будет и огласка, – пожимает плечами брюнет. – Репутация, – обобщает всё то, что вытекает в дальнейшем.

– Ариша там не одна, другая девочка, она тоже там, с ней... – робко вставляет мама. – Бедняжечки мои...

– С учётом, что вина разделена на двоих, при условии, что и та сторона будет согласна, то семь миллионов с каждой стороны – это меньше из зол, лучший выход из ситуации, – соглашается Андрей Рашидович. – Я позвоню её родственникам и поговорю с ними, – разворачивается и направляется к припаркованному неподалёку Peugeot, за руль которого усаживается, сосредоточившись на своём телефоне.

Разговаривает он долго. Нам же ничего не остаётся, как просто ждать. И мучительно больно думать над тем, где я возьму семь миллионов за одну ночь... нет, не семь, все четырнадцать, потому что...

– Они отказываются, – выносит вердикт своим переговорам вернувшийся Андрей Рашидович.

– Как отказываются? – охает мама, умолкает всего на секунду. – Но ничего, у меня полно драгоценностей, мы их отнесём ювелиру, там должно хватить, – кивает собственным словам, суетливо крутится на месте. – Чего встала, Василиса? Поехали, у нас с тобой ещё куча дел на сегодня! Где моя шкатулка с жемчугом и бриллиантами, ты не помнишь? – спрашивает, но ответа не ждёт, открывает дверцу гибрида с водительской стороны.

– Нет у тебя никакой шкатулки с жемчугом и бриллиантами, мама, – шепчу я едва слышно.

Ноги словно в цементном растворе. Ни шагу не ступить. Но я в очередной раз борюсь сама с собой, иду ей навстречу, отбираю ключ от машины, подталкиваю к другой дверце, ведущей на заднее сиденье.

– Я сама за руль сяду, – поясняю для неё.

Мама упрямо поджимает губы. Но, спасибо, на этот раз со мной не спорит. Она. Но не Филатов.

– Нет. Не сядешь, – непреклонным тоном заявляет он.

Мои ключи опять не со мной. Отбирает их, как собственные.

– Передай операм, к утру деньги будут, – бросает уже небрежно, и не мне, а адвокату. – Вся сумма, – подхватывает сперва под руку меня, затем и мою мать.

Её он сопровождает не так уж и далеко. Ровно до чёрного внедорожника, на который прежде я не обращала никакого внимания.

– Это Майкл, – представляет брюнет вылезшего из тонированного автомобиля здоровенного амбала. – Он отвезёт вас домой, – мягко улыбается ей. – А мы с вашей дочерью пока уладим вопрос с деньгами для Ариши.

Поразительно, но мама не спорит и на этот раз. Лишь благодарно улыбается ему, со слезами на глазах. А я – так и вовсе, как безвольная кукла, позволяю ему усадить себя в салон Bugatti Veyron, совсем не беспокоясь о том, что маму забирает какой-то непонятный тип, после чего увозит её. В голове бьются совсем другие мысли. Куда более тревожные и сумрачные.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/salieva_aleksandra/pritvoris-moeu

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)